

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

© одна тень на двоих

Татьяна Устинова

Одна тень на двоих

«ЭКСМО»

2003

Устинова Т. В.

Одна тень на двоих / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2003

ISBN 5-699-04448-5

Когда Данилов приехал домой, его жена уже умерла... Гаишник, задержавший Данилова на дороге, `спас` его от тюрьмы, создав неопровержимое алиби. Однако несчастья продолжали подстерегать архитектора. Обезображен особняк, который Данилов вот-вот должен был сдать богатому заказчику, в офисе убит сотрудник его фирмы. Кто-то упорно хочет бросить тень на несостоявшегося музыканта, сына известных родителей, который не оправдал их надежд, а потому презираем... Но Данилов так никогда бы и не принял этот вызов, если бы рядом не оказалась Марта - женщина, которая любила его всю жизнь. И теперь, когда за его спиной стоит не пугающая тень, а лучший человек на свете, Данилову все по плечу...

ISBN 5-699-04448-5

© Устинова Т. В., 2003

© Эксмо, 2003

Татьяна Витальевна Устинова

Одна тень на двоих

Посвящается Надежде Гроздовской, прекрасной и удивительной во всех отношениях.

*Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек.
Александр Пушкин «Моцарт и Сальери»*

Когда Данилов приехал домой, его жена уже умерла.

Он не понял, что она умерла.

Он пытался ее оживить.

Он совал к мертвым сизым губам стакан с водой. Вода лилась по щекам и закинутой шее, размывала кровавые пятна на очень белой блузке. Почему-то потом ему вспоминались не пятна, а именно эта, очень белая, неправдоподобно белая блузка.

Он пытался посадить ее, а она заваливалась набок, рука падала ему на шею, и он был уверен, что она живая, эта рука, мертвая не может так падать. Рука умоляла его – я жива, я здесь, спаси меня.

Он лупил ее по щекам, чтобы она очнулась. Он по-дилетантски делал ей искусственное дыхание – он не умел его делать и все-таки делал. Он тряс ее за плечи – голова болталась, как у клоуна Пафнutyча, которого маленькому Данилову подарили на день рождения, и он сразу оторвал ему голову. Спереди из головы торчали белые нитки, а сзади она осталась приделанной к туловищу и с тех пор качалась. Так, как у его жены, когда она умерла.

Потом он все-таки понял, что она мертва. Вернее, разрешил себе понять. И тогда он стал звонить по телефону, по всем известным с детства номерам – 03, 02, 01, плохо соображая, что делает, и надеясь, что это как-то ее спасет. Трубка липла к ладони, и он не сразу осознал, что она липнет, потому что на его ладони высыхает кровь.

Кровь его жены.

Он звонил и держал ее, не давая упасть назад, на диванные подушки. Он думал, что, если она упадет, будет еще хуже. Хотя куда уж тут хуже!

Вскоре кто-то приехал. Не зря же он звонил по всесильным номерам.

Его жену подняли и сунули на носилки, как будто она была вещь. Никому не нужная, ни к чему больше не пригодная сломанная вещь, с которой, однако, приходится возиться, прежде чем отправить ее на помойку. И как только ее положили на носилки, Данилов сразу понял – то, что лежит на сером потрескавшемся дерматине, не его жена. Не может быть его женой. Зря он так старался оживить ее. Нечего было оживлять. Осталось просто тело, когда-то принадлежавшее его жене, – это он понял очень отчетливо.

Он не верил ни в загробную жизнь, ни в переселение душ, ни в бога, ни в черта. Он верил в молекулы, элементарные частицы и химические процессы.

То, что жена ушла и оставила ему собственное тело, скрюченное и залитое кровью, не имело отношения к химическим процессам. Но это было так очевидно, что Данилов долго не мог сообразить, чего от него хотят приехавшие вслед за «Скорой» усталые мужики в милицейской форме. Им было наплевать на Данилова, они не понимали, что от него только что ушла жена, и называли ее «потерпевшая», и рассматривали кровавые пятна на ослепительно белой блузке, и ползали по ковру, и искали какие-то гильзы, и мерили расстояние строительной рулеткой, и звали соседей, которые толпились в дверях, жадно глазели и стыдились того, что глазеют так жадно.

Данилова о чем-то спрашивали, он отвечал или не отвечал, он так и не мог вспомнить, и, наверное, тут ему и пришел бы конец, потому что мужики в форме были почему-то уверены, что Данилов сам застрелил свою жену.

Его спас гаишник.

Гаишник, которого Данилов ненавидел целых полчаса. Он остановил Данилова на Садовом кольце и долго вертел в толстых от коричневых перчаток пальцах его права, а потом потребовал отцепить от ветрового стекла талон техосмотра и его тоже долго вертел. Потом велел Данилову открыть капот, и светил в него, и елозил животом по грязному боку машины, рассматривая что-то внутри капота, и в конце концов обнаружил, что у «девятки» оторван правый брызговик, и пошел в свою машину, унижительно поманив Данилова за собой, и долго писал что-то, и отказывался от денег, которые Данилов совал ему.

Данилов замерз, устал, ему очень хотелось домой – снять отсыревшие за день ледяные ботинки, влезть в ванну и съесть наконец супу, о котором он мечтал с обеда. Гаишника он ненавидел горячо и остро, и этот гаишник спас его.

Оказалось, что Данилов никак не мог застрелить жену именно потому, что валандался на Садовом кольце с бдительным гаишником, который подтвердил – да, валандался.

И все. Все.

Никого, конечно, не нашли. А может, и не искали.

Для Данилова это не имело никакого значения.

«Ты, ты убил ее! – кричала на похоронах мать его жены и плевала в него. – Ты во всем виноват, убийца, иуда!» Ее оттаскивали от Данилова за рукава, но она рвалась из шубы и наконец вырвалась, побежала, ее снова перехватили, а она все кидалась, превращая похороны в потасовку.

Ему было все равно. Он смотрел на снег и думал – куда-то она ушла? Вечная ее манера – пропадать, исчезать, заставляя волноваться о себе! Теперь ее искать не надо. Теперь она ушла навсегда.

С тех пор всегда, когда шел снег, Данилов чувствовал беспокойство сродни тому, когда нужно бежать, а куда, зачем – не вспомнить. Снег шел, а он все вспоминал, нервничал и уговаривал себя не нервничать, потому что его мозг понимал, что бежать некуда, но в душе была тревога.

Так было до тех пор, пока однажды Данилов не получил длинный белый конверт.

Конверт принесли вместе с почтой. Почта называлась утренней, но почему-то ее принесли Данилову в середине дня. В конверте оказалась четвертушка бумаги с одним-единственным предложением: «Убийца должен быть наказан, пощады не будет».

Данилов прочитал, сморщился, скатал из четвертушки плотный шарик и метнул его в корзину. Шарик пролетел мимо и неслышно приземлился на ковер. Некоторое время Данилов смотрел в окно, потом подобрал шарик и сунул его в стол.

Не переставая шел снег.

Он открыл дверь в свою квартиру и сразу, еще не войдя, нашарил на правой стене выключатель и зажег свет. Сердце колотилось, мешая дышать, взмокли ладони и спина.

Он ненавидел этот момент – когда нужно войти в квартиру. Иногда он даже курил на лестнице, просто потому, что не мог себя заставить сделать последний шаг.

Вставить ключ, повернуть, распахнуть дверь, зажечь свет, войти и оглядеться.

Прошло много лет. Квартира давно не та, и дверь не та, и жизнь не та, но худшим моментом в его жизни осталось возвращение домой. Ничего хуже он не мог себе представить.

Свет зажегся сразу везде. Данилов специально сделал выключатель у входной двери так, чтобы свет зажигался сразу во всей квартире, кроме спальни, которая от входа не видна, но и

это не слишком помогало. Он еще помаялся на пороге, переложил из руки в руку портфель и наконец вошел, сделал этот проклятый последний шаг. И закрыл за собой дверь.

Что-то не так. Что-то случилось.

Шее стало тесно в воротнике рубахи от того, что сердце метнулось к горлу, и замерло в нем, и разбухло так, что воздуху было не прорваться. Пот потек по виску.

Запах. Станный, посторонний.

В мозгу возникла яркая картина: ослепительно белая ткань и неровные, очень красные пятна, как хищные тропические цветы.

Данилов попытался вздохнуть и не смог.

– Ну что ты там стоишь? – спросили из комнаты недовольно. – Ты что, умер?

Сердце в горле еще раз ударило и разорвалось на мелкие клочки. Оказалось, что это было никакое не сердце.

Данилов судорожно вздохнул и вытер висок. На перчатке остался мокрый след – след его позорной паники.

– Я просил тебя звонить, когда ты собираешься приехать, – сказал он чужим от недавней паники голосом. Постоял и стал снимать ботинки. – Почему ты не позвонила?

Марта показала в дверях. Она моргала, как будто ослепленная светом сова, одна щека у нее была краснее другой, а сзади по полу волочился плед.

– Я звонила. – Она зевнула и прикрыла рот пледом. – Сначала ты уехал, потом еще не приехал, а потом совсем уехал. Это терминология твоей секретарши. По-моему, ее нужно уволить.

– Уволю, – пообещал Данилов, – пойдешь на ее место?

– Что я, с ума сошла? – спросила Марта обиженно. – Кстати, у моей подруги дочка университет закончила, возьми ее на работу. А, Данилов? Она девочка сообразительная, хорошенькая, по-английски понимает.

– Как собачка, – уточнил Данилов, еще не отошедший от давешнего потрясения, – все понимает, только сказать не может?

Марта подошла к нему, подобрав плед, как английская королева шлейф во время парада гвардейцев перед Букингемским дворцом. Неизвестно почему, Марта часто напоминала Данилову английскую королеву.

– Ну прости, – сказала она, рассматривая его лицо, – я не хотела тебя пугать. Я ждала, ждала, ужин приготовила, а потом уснула. Что-то я устала сегодня.

– Ничего, – вежливо ответил Данилов, – все в порядке.

Он всегда старался быть вежливым. Мать считала, что самое главное – это умение себя вести, что бы ни происходило в жизни.

Умение себя вести и самоконтроль. Ежеминутный. Жесточайший. И так с трех лет.

Он улыбнулся Марте, подобрал с пола портфель и пошел в спальню.

– Ты будешь ужинать? – в спину ему спросила Марта.

– А если бы я с Лидой приехал? – Он оглянулся от двери в спальню.

Хоть бы раз, подумала Марта, хоть бы раз он снял пиджак по дороге, а не за закрытой дверью. Или галстук развязал, что ли. Нет, никогда.

– Объяснил бы ей, что я твоя сестра, о существовании которой ты ничего не знал. Как в сериале. Она смотрит сериалы?

– Наверное, смотрит, – подумав, ответил Данилов. – Извини, мне нужно переодеться.

– Какой Версаль, – пробормотала Марта. Швырнула свой плед в ближайшее кресло и побрела на кухню.

Данилов всегда так разговаривал, и время от времени ее это раздражало. Сегодня особенно, потому что она нервничала и не знала, как скажет ему об этом.

Как?!

Он приехал такой усталый, такой обыкновенный, такой всегдашний Данилов, которого она знала уже пятнадцать лет, и вся ее решимость лопнула как мыльный пузырь.

Может, не говорить?

Она думала всю ночь и еще весь день, сидя на работе и сосредоточенно глядя в компьютер.

«Работаете? – игриво поинтересовался шеф, проходя мимо. – Это правильно. Работайте много, и вам воздастся».

Ему самому давно «воздалось» – «БМВ» был самой последней модели, и жена со чадами и домочадцами проживала в мирном городе Лондоне, не мешая отцу и супругу в его многотрудном деле добычи денег. Марта работала много, но ей почему-то до «БМВ» и города Лондона было далеко. Видимо, все-таки не всем воздается одинаково.

Или сказать?

Хуже всего то, что она даже представить себе не могла, как отреагирует Данилов на ее сногшибательное сообщение. Скорее всего скажет в своей обычной манере: «Очень хорошо», и ей придется после этого повеситься.

Повздыхав, Марта зачем-то передвинула кастрюли на сверкающей эмали плиты. У Данилова было две кастрюли – красная и белая. Когда Марте приходило в голову поразить его воображение каким-нибудь кулинарным шедевром, приходилось изобретать совершенно дикие технологии. Технологии – это было его слово.

Например, в прошлый раз она запекала мясо в керамической миске, поскольку обе кастрюли, и белая, и красная, оказались заняты. Миска почему-то не треснула и не сгорела, а мясо получилось превосходным, и Марта решила, что придумала совершенно новый способ приготовления свинины.

– Данилов, ты ужинать будешь? – крикнула она, задрав вверх голову, и прислушалась. Из спальни не долетало ни звука. – А, Данилов?

– Да, спасибо, – сказал он совсем близко, и Марта вздрогнула. – Ты остаешься ночевать? Она пожала плечами, глядя, как разгорается огонь под красной кастрюлей.

– Если остаешься, я открою вино.

– Я вполне могу тяпнуть и поехать.

– Нет, – сказал Данилов твердо, – не можешь. Снег, дороги очень плохие.

– Наплевать на дороги, – пробурчала Марта. – Давай свое вино, Данилов.

– Значит, остаешься, – подытожил он. – Что у нас? Мясо или рыба?

К рыбе полагалось белое вино, а к мясу красное. И никогда наоборот.

Правила есть правила. Запивать шампанским картошку – преступление. Локти на столе – ни в коем случае, даже дома. Пиво из горла – отвратительно.

– У нас рыба, – проинформировала Марта, – я с ней возилась целый час. Постарайся выразить что-то вроде восхищения.

– Постараюсь, – пообещал Данилов. Подумал и добавил: – Я всегда очень благодарен тебе за твои усилия. Спасибо.

– Пожалуйста.

Он осторожно вытащил пробку и посмотрел на Марту.

– Что с тобой? Ты чем-то расстроена?

– Ничем я не расстроена.

– Работа? Или... Петя? Он в Москве?

– Улетел, – сообщила Марта, – на три дня. Скоро прибудет. Просил не скучать.

– А ты скучаешь? – спросил Данилов рассеянно.

Ну как с ним разговаривать? Как?!

Марта сердито уселась за стол, немедленно поставила на него локти и залпом выпила полбокала. Вернее, не бокала, а того количества вина, что Данилов налил ей.

Данилов молча смотрел на нее.

– Я беременна, – выпалила она и допила вино. – Наливай еще.

Данилов ничего не понял.

– Ты... что?

– Я ничего, – ответила Марта злобно, – со мной все отлично. Я в интересном положении. Жду ребенка. С женщинами время от времени такое случается.

Данилов подлил ей вина. И себе подлил тоже.

– Я поздравляю тебя, – сказал он растерянно, – это хорошо. Это хорошо, да?

Хорошего было мало.

Ему не нравился ее Петя, не нравился его образ жизни, не нравилось его отношение к Марте. Ничего не нравилось.

Петя любил сало, жареную картошку и, подвыпив, заставлял всех петь хором «на тот большак, за перекресток». Кроме того, он писал стихи и декламировал их при каждом удобном и неудобном случае. В особо патетических местах голос у него дрожал и срывался – «от чувств-с», как говорил дед Данилова, когда рассказывал про очередную защиту очередной докторской, на которой ему приходилось присутствовать. Марту Петя интимно прижимал к своему боку, слегка трепал по коротким волосам и говорил задушевно, что ему «никогда не везло с женским фактором и вот наконец-то повезло».

Впервые увидев Петю, Данилов весь вечер молчал, а на следующий день спросил у Марты, откуда она взяла этого орангутанга.

Марта раскричалась и разобиделась.

«Мне надоели аристократы со следами вырождения на физиономиях, – кричала она, – мне надоели игры в высший свет! Я недавно была на одной вечеринке, там все были из «Маккензи» и «Андерсен Консалтинг»! Я думала, что сдохну от их чванливых постных морд и рассуждений о карьере! Бизнес требует, бизнес пошел, бизнес не пошел!.. Сопляки в дорогих галстуках, клерки, а морды, а речи – как будто они воротились с Уолл-стрит! Вилки научились держать и уверены, что лучше всех!»

«А Петя? – спросил Данилов. – Он вилку не умеет держать и этим чрезвычайно горд, верно?»

После этого они не разговаривали, наверное, недели две, что случилось с ними первый раз в жизни. Потом Данилов не выдержал, позвонил и помирился.

А теперь вот оказывается, что она беременна.

Конечная станция. Дальше рельсов нет, господа пассажиры. Покорнейше просим выйти. Марты Черниковской в жизни Данилова больше не будет.

– Когда ты об этом узнала? – спросил он сосредоточенно, как будто это имело значение.

– Вчера.

– А... Петя знает?

– Петя не знает. Давай я положу тебе рыбу, Данилов.

– Спасибо.

Некоторое время они вежливо жевали, стараясь не встречаться глазами. Потом Данилов подлил вина и вдруг спохватился:

– А тебе можно?

– Что? – спросила Марта и перестала жевать.

– Вино.

– Данилов, мне нельзя напиваться в стельку каждый день. Не в стельку и не каждый день – можно. Ты что? Теперь станешь обо мне заботиться?

Данилов пожал плечами:

– Стану.

– Ты и так зануда, Данилов, – пробормотала Марта. – А уж если начнешь проявлять заботу, я от твоего занудства погибну.

Странное дело. Необыкновенная, купленная в супермаркете форель, на которую Марта потратила чертову уйму времени, не имела никакого вкуса, как вываренная в супе капуста.

Может, у нее в организме уже начались необратимые изменения из-за беременности? Вчера, когда она не знала об этом, никаких изменений не наблюдалось.

Все дело в Данилове. В его вежливости, занудстве, сдержанности и правиле ни о чем не расспрашивать.

Если бы Марта узнала, что он беременный, она бы от него не отстала. Она бы выведала все, во всех подробностях.

К несчастью, все было наоборот. Марта фыркнула и закашлялась. Данилов – ясное дело! – немедленно вскочил, готовый в любую секунду прийти на помощь.

– «Скорую» пока не вызывай, – кашляя, попросила Марта, – может, еще рассосется.

Он сел с той же готовностью, с какой только что вскочил. Марта перестала кашлять и посмотрела на него печально.

За пятнадцать лет дружбы она так и не смогла понять – то ли он патологически равнодушен к людям и к ней в том числе, то ли умеет слишком хорошо скрывать свои чувства и заметить их со стороны вряд ли вообще возможно, то ли трусит так, что строительство оборонительных сооружений стало главной целью его жизни.

Все получилось именно так, как она и предполагала, и, видимо, ей все-таки придется сегодня повеситься.

Данилов аккуратно положил на тарелку приборы, оценил и переложил как-то еще более аккуратно.

– Ну и что, – спросил он, – вы теперь поженитесь?

– Мы – это кто? – уточнила Марта.

Данилов посмотрел на нее. Глаза у него были очень черные. Почему-то раньше она была уверена, что черные глаза – это признак темперамента, горячего, страстного, южного.

Ошиблась.

– Вы – это ты и твой Петя.

– Не знаю, – сказала Марта. Она и вправду не знала. – Вообще-то я уже большая девочка. Можно и замуж сходить.

– Сходи, – согласился Данилов.

Вот это разговор. Всем разговорам разговор. Пойди сходи – и все тут.

– И пойду, – ответила Марта упрямо.

Теперь ей захотелось плакать. Так сильно, что она не успела ничего с собой сделать, чтобы позорно не зареветь. Глаза моментально налились слезами.

Нельзя, чтобы Данилов заметил. Никак нельзя.

Она выскочила из-за стола, оставив его недоумевать, промчалась по коридору и немного постояла у входной двери, сильно и часто моргая. Ей было очень жалко себя и еще больше – ребенка. Неизвестно, почему ей было его жалко, вроде ничего такого не происходило, но тем не менее ей было жалко именно его, такого маленького и непонятного, о существовании которого она еще три дня назад и не подозревала.

Конечно, Данилов не пошел за ней. Он ни за что не поставил бы ее в неудобное положение.

Кретин.

Марта загнала обратно слезы, посмотрелась в высокое узкое зеркало, которое она недавно купила и заставила Данилова повесить, и вернулась в кухню.

– Мне показалось, что у меня сотовый зазвонил, – сказала она Данилову. – Как тебе рыба?

– Очень вкусно, спасибо. – Данилов не любил рыбу, но всегда считал своим долгом всех хвалить и благодарить. На столе перед ним лежала пачка сигарет и одна сигарета – отдельно.

– Можно я закурю? – спросил Данилов. – Или тебе это неприятно?

– Мне приятно, – уверила его Марта, – самое большое счастье в моей жизни, когда ты куришь в моем присутствии.

– Я только хотел узнать, – пробормотал Данилов, – не вредно ли это. Для ребенка...

– Полезно! – бодро откликнулась Марта. – Если мы будем его постепенно приучать, может, он даже родится с бычком во рту.

Он посмотрел на ее узкую прямую спину.

Марта шуровала у плиты, со звоном кидала в посудомоечную машину. Чайник уже вовсю посапывал – когда только она успела его поставить?

Данилову было так грустно, что жить не хотелось.

Почему-то ему никогда не приходило в голову, что рано или поздно так все и случится – очередной Петя, которых на глазах у Данилова сменился десяток, решит, что «женский фактор» в лице Марты ему очень подходит, а Марта решит, что ждать больше нечего, и все закончится.

Она перестанет звонить ему на работу – «просто так».

«Я звоню просто так», – всегда говорила она, когда он спрашивал, какое у нее к нему дело. Перестанет заезжать по вечерам без предупреждения, чего он терпеть не мог. Вернет ему ключи, заберет со стойки свои компакт-диски с блюзами, Леонардом Коэном и полоумным Гариком Сукачевым – Данилов не любил ни блюзов, ни Коэна, что уж говорить о Сукачеве! Перестанет поражать его воображение кулинарными изысками – «Данилов, это греческий салат, но брынзы не было, и я сунула в него пармезан». Перестанет задумчиво клацать длинными ногтями по клавиатуре его компьютера по субботам – «Данилов, у меня экзамены на носу, так что сегодня ты готовишь». Она то и дело сдавала какие-то экзамены.

«Чистая дружба», продолжавшаяся пятнадцать лет, закончилась.

Конечно, некоторое время они будут продолжать созваниваться, и она станет рассказывать ему об очередных Петиных бизнес-затях, одна другой хуже, потом родится ребенок, похожий на папочку, и Марта будет его растить, а это дело небыстрое, насколько Данилов мог судить, и постепенно все исчезнет само собой.

Изменить ничего нельзя.

Диалектика, закон природы, как формулировал преподаватель истории Ефим Эммануилович по прозвищу Фима Собак.

– Тебе чай или кофе?

Он посмотрел на нее. У него были очень черные, очень печальные, недоумевающие глаза, как у неожиданно заболевшей собаки.

– Кофе, спасибо. Ты бы присела, Мартышка. Я вполне в состоянии сам налить себе кофе.

– А мне? – спросила Марта. – Мне ты в состоянии налить?

Он называл ее Мартышкой примерно раз в пять лет.

Он варил кофе, молчал и один раз так громко вздохнул, что Марта посмотрела на него с удивлением.

Он был в мягком черном джемпере и серых брюках со стрелками – в собственной квартире в девять часов вечера! Темные волосы, синяя от дневной щетины щека – Марта видела только одну его щеку, – длинные ресницы, чистая кожа.

Аристократ. Белая кость, голубая кровь. Или наоборот, что ли? Голубая кость и белая кровь?

Впервые увидев его родителей, Марта моментально почувствовала себя замарашкой, с разгону влетевшей в герцогские покои в погоне за поросенком, сбежавшим с кухни.

«А где вы живете, милая?» – спрашивала его мать, и Марта готова была сгореть со стыда. Следовало отвечать, что она живет в Беверли-Хиллз или, на худой конец, на Монмартре, но так ответить Марта не могла, поскольку жила в Кратове и, когда ленилась ехать, оставалась у Данилова ночевать. «А где вы служите, милая?» – продолжала мать, и страдания Марты росли пропорционально изменению тона – с вежливого на холодный, с холодного на ледяной.

Марта никоим образом не подходила Данилову, а объяснить королеве-матери, что она не претендует на кронпринца, Марта не могла. Не скажешь же просто так – вы знаете, я иногда живу у вашего сына, но это не то, что вы думаете. У нас пионерско-братская привязанность друг к другу, основанная на взаимоуважении, сходном чувстве юмора и «полном отсутствии всякого присутствия», как это называла Марта.

Никакого секса. Никакого кокетства ни с одной, ни с другой стороны. Никаких претензий друг к другу. Никаких обязательств и вопросов, что делать и кто виноват.

Когда-то ей хотелось, чтобы все сложилось по-другому, а потом перестало хотеться.

Он был трудный человек. От одних его правил можно сойти с ума. Его молчание могло означать все, что угодно, а он только и делал, что молчал. В его присутствии хотелось выпрямить спину, немедленно убрать со стола локти, проверить, чисто ли вымыты руки, и, проделав все это, моментально смыться.

Никто не хохотал, не говорил громко, не чавкал, не пел, не болтал, не стучал вилкой по стакану, не задавал глупых вопросов, не гонял по компьютерному полю супермена, выкрикивая «давай-давай!», не надувал пузыри из жвачки, не матерился, не разваливался в кресле, не рассказывал анекдотов, пока в поле зрения был Данилов.

Как будто это был не Данилов, а гроб с покойником.

– Может быть, хочешь чаю? – спросил он, заботливо наклоняясь над ней, и Марта очнулась. – У меня есть какой-то чай из трав.

– Не какой-то чай из трав, – поправила она, – а успокоительный сбор, Данилов. Я его привезла две недели назад. И я не хочу чай из трав. Я хочу кофе.

– Тебе точно можно?

– Господи, – в сердцах проговорила Марта, – как это жена жила с тобой столько лет!

И перепугалась. Они никогда не вспоминали о его покойной жене.

– Всего три года, – поправил ее Данилов и улыбнулся, – не пугайся, пожалуйста. Я не стану бледным и мрачным от одного упоминания о ней и не стану курить сигареты одну от другой. Я же не герой сериала!

«Ты не герой сериала, – подумала Марта быстро, – но я видела твое лицо, когда ее хоронили».

Он был совершенно один, хотя толпа была огромной. Его родители из Америки прислали соболезнования и элегантный венок, а друзей у него не было никогда. Шел снег, такой же, как сейчас, но Данилов был в темных очках. Он снял очки, когда сел к ней в машину, и Марта увидела его лицо.

Прошло пять лет, а Марте иногда казалось, что пять дней.

Когда он женился, ему было тридцать. Когда спустя три года ее хоронили, Данилову стало шестьдесят.

– Тебе не нужна помощь? – спросил Данилов, аккуратно глотнув кофе. – Я имею в виду деньги. Или врачи?

– Я беременная, а не тяжелобольная, – буркнула Марта, – а денег у меня своих навалом.

Это была неправда, но она никогда не брала у него деньги, даже в самые трудные времена. Лучшая подруга Инка фыркала и плевалась.

«Ты просто ненормальная, – говорила она, – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Раз уж он на тебе не женится, пусть деньги даст».

Природа их «высоких отношений» практичной Инке была недоступна. Впрочем, не ей одной.

– Как хочешь, – сказал Данилов, – просто на всякий случай знай, что я всегда готов тебе помочь. Чем угодно.

– Я тебя найму сидеть с ребеночком, – пообещала Марта.

– Боюсь, что дорого тебе обойдусь. – Он улыбнулся. Вернее, улыбнулись его губы, а сам Данилов и не думал улыбаться. – Ты все-таки подумай про врачей и позвони мне. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась Марта, зная, что ни про каких врачей думать не станет. Ей и без врачей есть о чем подумать. – Ты убираешь посуду, – добавила она поспешно, – ты убираешь посуду, а я буду валяться на полу и смотреть кинематографические фильмы.

– Там есть немного новых кинематографических фильмов, – он кивнул на стойку с кассетами и подтянул кашемировые рукава, чтобы удобнее было мыть посуду.

– Данилов, ты особенно-то не усердствуй, – сказала Марта, – посуду в этом доме моет посудомоечная машина. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Она сидела на полу, на круглом тибетском ковре, который отец подарил Данилову на день рождения. Родители любили дарить ему что-нибудь в этом духе. Статуэтку Будды, искусно вырезанную из слоновой кости. Шелковое покрывало из Кайруана. Нефритового дракона с оскаленной остекленевшей пастью. Глиняный кувшин ручной работы. В год по одному подарку. Раньше было по два – еще один на годовщину свадьбы.

На одном из подарков теперь сидела Марта, скрестив длинные ноги в безупречных черных колготках. Платье тоже было черным и безупречным, немножко измятым, потому что она заснула в нем, дожидаясь Данилова. Он видел ее спину – прямую и тонкую, и прямые плечи, и сильные руки, обтянутые плотными рукавами платья.

Он давно привык считать все это – своим. Несмотря ни на что. Несмотря на Петю и его предшественников. Несмотря на пятнадцать лет, в которых чего только не уместилось. Несмотря на его женитьбу. Несмотря на Лиду.

Как раз Лиду он никогда не считал своей.

Марта Черниковская – чужая жена! Мать какого-то непонятного ребенка.

Она больше не будет спать у него на диване и клацать по клавиатуре компьютера. Просто ей станет некогда, и в ее жизни появятся вещи гораздо более важные, чем Данилов. Все правильно. Не могло же это вечно продолжаться.

Но он-то думал, что будет продолжаться. Вернее, он об этом вообще не думал.

Загрузив машину, которая тут же бодро загудела, Данилов вытер руки льняным полотенчиком и бросил его в специальную корзину для полотенчиков. И улыбнулся. Марта поставила «Звездные войны», какой-то там эпизод. Он купил эти «Войны» специально для нее. Сам он предпочитал Гринуэя и Кустурицу.

Телефон выдал переливчатую руладу, и Марта, не оборачиваясь, сделала звук потише.

– Данюсик, – позвала из трубки Лида, – это я. Как ты там, без меня? Мама передает тебе привет. Это я сразу говорю, чтобы потом не забыть.

– Спасибо, – сказал Данилов, – ей тоже.

– Как дела, Данюсик? Слушай, ты не помнишь, кто в этом году выиграл «Ю-ЭС Оупн»?

– Пит Сампрас.

– Да. Точно. Я целый день не могла вспомнить.

Данилов вежливо молчал. – Я звонила, но тебя не было дома. Я думала, ты заедешь.

– Мы же не договаривались.

– Ну и что? Я за приятные сюрпризы.

Данилов вовсе не был уверен, что может быть приятным сюрпризом.

– Данюсик, а завтра ты что делаешь?

– Собираюсь съездить в дом, который проектировал. Там завтра никого не будет, мне нужно посмотреть кое-что. Это не надолго, часа на два. К вечеру освобожусь.

– Тогда пойдем вечером в Кремль! Начинается конкурс бальных танцев. Закрытый просмотр, все будут. Давай посмотрим немножко, а потом поедем куда-нибудь ужинать. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Данилов. Ему, собственно, было все равно – танцы так танцы, ресторан так ресторан, «Ю-ЭС Оупн» так «Ю-ЭС Оупн».

– Я так устала, – пожаловалась Лида, – мама меня опять таскала в «Мариотт». У папы юбилей, ты же знаешь. Мы сто залов пересмотрели. Маме больше всего нравится «Мариотт», а мне «Гостиный двор». А тебе?

Данилов честно попытался поддержать беседу. В конце концов, вежливость – прежде всего.

– Я никогда ничего не отмечал ни там, ни там, поэтому трудно сказать.

– Ну вот, тебе даже сказать трудно, а я все это пересмотрела! И непонятно, зачем. Все равно мама сделает так, как ей больше нравится. Когда у тебя будет юбилей, я тоже сделаю все, как мне нравится. – И она засмеялась.

– Ну конечно, – согласился Данилов. Почему бы ему не согласиться?

– Светлана Сергеевна звонила маме, – сообщила Лида. Светланой Сергеевной звали мать Данилова. – Сказала, что она тебя неделями не видит, что ты все время на работе, а Михаил Петрович опять какую-то премию получил в Париже. Ты знаешь?

– Знаю.

– А почему ты не был на вручении?

Его мать сообщила ее матери, что он отсутствовал, когда вручали премию его отцу. Данилову стало противно.

– Меня не приглашали, Лида, – произнес он холодно, – кроме того, до Парижа далеко, а у меня полно работы.

– Да ладно тебе, Данюсик, что за комплексы, – у нее был такой тон, что Данилов поморщился, – ты же не маленький. Ты не можешь обижаться на то, что твой отец – знаменитость.

– Лида, прости, пожалуйста, – быстро сказал Данилов, – у меня мобильный звонит. Во сколько завтра нам нужно быть в Кремле?

Он положил трубку, подумал и вылил остатки вина в чистый стакан.

– Бальные танцы? – спросила Марта, по-прежнему не оборачиваясь.

Он улыбнулся.

– Откуда ты знаешь?

– Весь Интернет в этих танцах. Завтра в Кремле большой бомонд. Поедешь?

– Поеду.

– Молодец, – непонятно похвалила Марта. – Оказывается, этот ужасный, который сопит в шлеме, отец того, который летает на космическом истребителе.

Данилов посмотрел на экран и пристроился рядом с Мартой, подтянув безупречные складки на брюках.

– Это еще не все, – сказал он, – на самом деле он не ужасный, а добрый и хороший. Светлая сторона силы возьмет верх.

– Ясное дело, – согласилась Марта и хлебнула из его стакана. – А когда выяснится, что он хороший?

– В самом конце.

– Он совершит героический поступок и соберет килограмм макулатуры?

Данилов засмеялся и допил вино.

– Ну конечно.

– Ты что, смотрел без меня?

– Смотрел, – признался Данилов, – мне нечем было заняться, и я посмотрел.

– Ты вполне можешь не оправдываться, – сказала Марта негромко, – этот фильм смотрит все население земного шара в возрасте от десяти до восьмидесяти.

– Моему отцу дали какую-то премию, – Данилов посмотрел на ее шею с завитками оставленных волос. Почему-то ее шея его успокаивала, – а я даже не знал. Я сказал Лиде, что знаю, а на самом деле не знал.

Они помолчали. Данилов молчал просто так, а Марта сочувственно. Его отношений с родителями она никогда не понимала.

– Данилов, принеси мне мою сумку, – попросила она, не отрываясь от экрана, на котором эскадра космических истребителей затеяла галактическую войну, – а еще лучше достань из нее очки.

Данилов с готовностью поднялся.

– Где ты ее бросила?

Марта махнула рукой:

– Там где-то. Далеко. У входной двери.

Он вернулся через минуту и положил что-то на стол.

– Ну? – спросила Марта нетерпеливо. Эскадра дралась уже из последних сил. – Что, не нашел? Сумку? Или дверь?

Данилов молчал, и она оглянулась. На столе лежали ее очки, а у него в руках был длинный конверт.

– Что это такое?

– Где?

– Вот. Что это за конверт?

У него был странный, очень напряженный голос, и Марта встревожилась.

– Не знаю. Это я сегодня получила. Там какая-то ерунда написана. Я хотела выбросить и забыла. А что?

Данилов уже видел сегодня такой конверт.

Этот был неаккуратно разорван. Свой Данилов разрезал ножницами.

Ему не хотелось заглядывать внутрь, но он заглянул и, помедлив, вытянул четвертушку листа.

«Убийца должен быть наказан, пощады не будет».

– Ну вот, – сказала Марта поспешно, – это какой-то ненормальный прислал. Да что с тобой, Данилов?!

Он был уверен, что совсем не спал, но телефон зазвонил и разбудил его. Выходит, все-таки спал.

Прежде чем взять трубку, он посмотрел на часы и сразу понял, кто звонит.

– Доброе утро, мама.

– Доброе утро, – откликнулась мать после паузы. – Откуда ты знаешь, что это я?

Данилов вежливо промолчал.

В Москве восемь утра субботы. В Париже – шесть. Мать всегда встает в шесть, чтобы до завтрака успеть в тренажерный зал и вернуться к отцу, который терпеть не может пить кофе в одиночестве. Данилов помнил себя с трех лет, и тогда все было точно так же. Кроме Парижа. Парижа тогда не было.

– Андрей, я хотела сообщить тебе, что твой отец получил премию французской литературной академии. Это серьезная награда.

– Я в этом не сомневаюсь, – пробормотал Данилов. Отец никогда не получал несерьезных наград.

– Я ставлю тебя в известность, что на будущую среду назначен прием в честь отца. Ты должен на нем присутствовать.

Данилов вдруг осознал, что встал с кровати и даже успел нацепить брюки, как будто мать могла его видеть.

– Мама, я вряд ли смогу прилететь в Париж. У меня много работы, и я ничего не планировал на будущую неделю.

– Ты и не должен ничего планировать, – почти перебила его мать, что с ней случалось крайне редко, – прием в Москве, в особняке в Воротниковском. Я все время забываю, как он называется.

Данилов понятия не имел, как называется особняк в Воротниковском, и моментально почувствовал себя тем, кем был на самом деле, – плохим сыном.

– Среда на будущей неделе, – повторила мать медленно, как будто Данилов был недоумком. – Запиши, пожалуйста, Андрей. Мы прилетим во вторник, и я не успею ничего проконтролировать, но прием организует Ольга, потому все должно пройти хорошо.

– Я постараюсь прийти.

– Нет. Ты не постарайся, а придешь. В конце концов, это просто неприлично.

– Что неприлично, мама?

– Неприлично, что ты так долго и так старательно игнорируешь свои обязанности, Андрей. На это уже обращают внимание.

– Кто обращает?

Мать промолчала. Она отлично умела не слышать того, что, по ее мнению, не нужно слышать.

– Лиду я пригласила, – проинформировала мать, – попросила ее освободить для нас вечер. Она вчера тебе не говорила?

Данилову вдруг показалось, что ему не около сорока, а одиннадцать. Он даже почувствовал запах – тот, который окружал его, когда ему было одиннадцать: полироли, ковров, дорогих французских духов и синтетической шерсти многочисленных зверей, которыми была уставлена его комната. Ему все время дарили игрушки, а он в них не играл. Не любил.

В тот день ему исполнилось четырнадцать. Он вернулся из школы и обнаружил, что в его комнате больше нет никаких игрушек. Он долго стоял посреди огромного почти пустого зала, в который превратилась комната, и не понимал, что могло приключиться с его зверями, – и сообразил наконец. Мать дала ему понять, что детство кончилось.

Таким образом, Данилов знал совершенно точно, когда кончилось его детство – в промежутке между половиной девятого утра и двумя часами дня, когда ему исполнилось четырнадцать лет.

– Спасибо, мама, – поблагодарил Данилов, – я мог бы пригласить ее сам, но все равно спасибо.

– Да, – согласилась мать. – Мне так спокойнее. Я никогда не знаю, чего от тебя ждать, поэтому мне проще все сделать самой.

«Например, пригласить мою любовницу проводить меня на светский раут, – подумал Данилов, – чтобы мне не пришлось в голову потеряться по дороге».

– И не забудь поздравить отца, – непререкаемым тоном, который так хорошо знал Данилов, напомнила мать. – Не обязательно лишний раз демонстрировать ему, что тебя не интересуют его успехи. Хорошего тебе дня, Андрей.

– Спасибо. До свидания, мама.

Кто сказал, что семья – это такое место, где все друг друга любят, жалеют, утешают и принимают такими, как есть? Семья – это худшее из испытаний, потому что получить по физиономии от чужих вовсе не так ужасно, как от близких. Чужие далеко, а близкие – рядом и точно знают, как ударить больнее, и занимают самые выгодные наблюдательные посты, чтобы выискивать слабое место в обороне близкого и прорвать ее неожиданным стремительным ударом,

после которого поверженному остается только хватать ртом воздух, тарашить бессмысленные глаза и до трех часов ночи придумывать «достойные ответы».

Данилов сел на край постели и потер руками лицо. Щеки кололись, а в глазах после бессонной ночи было как-то слишком сухо, хотя он позволил себе только три сигареты.

Только три сигареты за всю ночь.

Осторожно, стараясь не топтать, чтобы не разбудить Марту, он прокрался в ванную и долго стоял под душем, а потом старательно брился и чистил зубы.

Кто прислал записку? Данилов рассматривал в зеркале свое отражение, как будто чье-то чужое, и думал.

Почему ее прислали еще и Марте? Зачем? Прошло много лет, и Данилов сто раз давал себе обещание больше ни о чем не вспоминать.

Дня не проходило, чтобы он не вспоминал.

Нет. Он не вспоминал. Он просто не забывал.

Кому понадобилось напоминать ему таким способом? В отличие от Марты, он сразу понял, что записки прислал вовсе не сумасшедший.

«Ты убил ее! Ты во всем виноват, убийца, иуда!»

За пять лет он почти не встречался с родственниками жены. Кто-то из них решил наконец напомнить ему о себе таким способом? Ну ладно ему, а Марте? Марта при чем?! Никакие родственники его жены, даже те, с которыми он встречался, ничего не могли знать о Марте. Если только не следили за его жизнью с пристальным вниманием.

Или следили?

Зачем?

Хуже всего было то, что Данилов чувствовал ненависть, которой дымились корявые буквы. Записки – и его, и та, что он вчера вытащил у Марты, – как будто дышали на него ненавистью: и буквы, и бумага.

И угрозу он чувствовал, и злобу. Или он просто нервничает от того, что идет снег?

Ему было шестнадцать лет, когда выяснилось, что у него есть нервы и именно из-за них он никогда не станет великим пианистом.

Он боялся зала. Боялся так, что не мог заставить себя выйти на сцену, даже если в зале никого не было. Он боялся сцены, боялся пустого пространства, боялся света, звука собственного рояля – всего на свете.

Знаменитый пианист приехал из Лондона и утешал его мать, у которой как будто кончилась жизнь, когда выяснилось, что Данилов не может играть. Приезжали профессора, не менее знаменитые, чем пианист, и говорили, что виноваты нервы. Оказалось, что шестнадцатилетний Данилов никуда не годится.

Все утешали его мать, объясняли ей, что она ни в чем не виновата. Виноват Данилов и его нервы.

На него никто не обращал никакого внимания. Он был просто организмом, субстанцией, на которую тратились силы, время и деньги, возлагались надежды, а потом оказалось, что субстанция устроена как-то неправильно и исправить ее невозможно.

Поначалу мать все-таки пыталась его исправить, но он начинал трястись, едва увидев пустую сцену и на этой сцене рояль и стул. Крышка рояля была поднята, стул слегка отодвинут – все готово для того, чтобы принять сломавшегося от неправильного употребления Данилова. Принять и убить его.

По ночам ему снилось, как он умирает за роялем, один в пустом зале. Он играл и видел свои руки в ослепительных манжетах концертной рубашки, пальцы летали по клавишам, но не было звука, и там, во сне, в этом было все дело. Данилову казалось, что если он услышит звук, то не умрет, и он начинал лупить по клавишам так, что болью заходились расплюснутые от ежедневных репетиций подушечки пальцев, а звука все не было, рояль не пускал звуки

наружу, и он не мог снять руки с клавиатуры, его засасывало в черно-белую глубину, и у него больше не было пальцев, и на том месте, где они были, надувались кровавые пузыри, из которых медленно, капля за каплей, вытекала кровь, разбавляя черно-белые цвета красным.

Таким красным, каким только может быть кровавое пятно на очень белой блузке.

Он понял, что не спит, только когда увидел свое отражение в зеркале. Он не спал.

Он был в ванной, старался не шуметь, чтобы не разбудить Марту, думал о записках, которые исходили ненавистью, о матери и о том, как подвел ее. Он подвел не только ее. Он подвел всех на свете.

Он стоял перед зеркалом, взявшись обеими руками за края раковины, и смотрел себе в лицо.

За его спиной, за закрытой дверью что-то с грохотом упало, и Марта спросила приглушенно:

– Данилов, ты там досыпаешь?

– Нет, – сквозь зубы проговорил Данилов.

– Что? – раздалось из-за двери. – Освободи помещение, иди досыпай в постель!

Он поспешно умылся очень холодной водой, вытер лицо и открыл дверь.

– Доброе утро, – сказал он Марте, которая маялась под дверью, – прошу прощения, что разбудил.

– Меня разбудил не ты, а телефон, – пробурчала Марта, протискиваясь мимо него в ванную. – Надо было мне его вчера выключить, а я забыла.

– Это я забыл, – повинился Данилов. – Вернее, не сообразил.

– Что делать, Данилов, – проговорила она из ванной, – что делать, если ты такой тупой.

Он улыбнулся. Она всегда разговаривала с ним как-то так, что ему хотелось улыбаться, даже по утрам после разговора с матерью.

На полированном черном прилавке, заменявшем кухонный рабочий стол, лежали часы, браслет и два золотых кольца. Одно из них Марта привезла два года назад из Бахрейна и невыносимо хвасталась и кольцом, и Бахрейном.

Он знал, что завтракать она не будет. «Ты с ума сошел, Данилов, какой завтрак в полдевятого утра!» Он знал, что она станет долго пить чай, а потом кофе и в одиннадцать захочет есть. Он знал, что она выйдет из ванной в плотных голубых джинсах и обтягивающей маечке, довольно свежая, но недовольная. Он знал, что по утрам она всегда бывает свежей и немного сердитой.

Чего он только про нее не знал!

«Не знал, что она беременная», – сказал он себе мрачно.

– Кто звонил?

– Моя мать. В среду прием, и она уже пригласила Лиду. Завтракать будешь?

– Ты с ума сошел, Данилов, – сказала она недовольно, – какой завтрак в полдевятого утра! Что ты смеешься?

– Я не смеюсь. Сейчас будет чай.

– Что за прием?

– В честь премии, которую получил мой отец. Или в честь отца, который получил премию.

– Это что? – спросила она. – Ирония?

– Нет.

– А где прием? В Париже? Или в Нью-Йорке?

– В Москве. Самое интересное, что сначала пригласили Лиду, а потом уж меня.

– Теперь тебе придется на ней жениться, – сообщила Марта, – как честному человеку.

– Я ни на ком не собираюсь жениться! – сказал Данилов с досадой. Он достал из холодильника йогурт, сыр и тонкие пластинки сухих хлебцев, которые тоже почему-то держал в холодильнике. «Завтрак джентльмена» называла этот набор Марта. Он никогда не менялся.

– Какие у тебя планы? – спросил Данилов, когда она отхлебнула первый глоток чая и замерла, как японец на чайной церемонии.

– Никаких.

– Что, и экзаменов никаких?

– Ну тебя, Данилов. Я только что сдала третью категорию тестов. Осталось еще две. Перед Новым годом вторая, а весной первая. Сдам, и мне дадут повышение.

Данилов посмотрел на нее.

– Повышение?

– Повышение, а что?

– А ребенок?

Марта еще глотнула чаю и поэтому ответила не сразу.

– И ребенок, и повышение, Данилов. Мне надо семью кормить, а чтобы кормить, надо повышение получить, а чтобы получить, надо экзамены сдать.

– А Петя, – спросил Данилов, – он не собирается семью кормить?

Марта пожала плечами:

– Наверное, собирается. Я пока точно не знаю.

Данилов пришел в раздражение. Зачем он спрашивает? Какое ему дело до Пети и его планов? Ему и до Марты теперь не должно быть дела! По крайней мере, нужно постепенно приучать себя к этому. Он был специалистом экстра-класса в постепенном приучении себя к чему-нибудь.

– Снег идет, – сказала Марта.

– Если тебе нужны будут деньги, – начал он, раздражаясь все сильнее, – ты можешь взять у меня. Я зарабатываю больше, чем трачу. Вряд ли ты сможешь работать в полную силу, когда... когда ребенок родится. Ты только не подумай, что я хочу поставить тебя в неловкое положение. – Данилов посмотрел на нее и спросил недовольно: – Что ты смеешься?

– Я не смеюсь, – возразила Марта. – От твоего джентльменства можно ума лишиться, Данилов. Если мне понадобятся деньги, я возьму у тебя и попаду в самое неловкое из всех известных мне положений. О'кей?

– Откуда взялась вчерашняя записка?

– Что-о?

– Записка. Откуда она?

– Что значит – откуда? Из почты. Мне приходят всякие газеты, и конверт принесли вместе с газетами. А что это за записка? Там написана какая-то ерунда, не знаю, почему я ее не выбросила.

– Мне вчера пришла точно такая же. – Данилов поднялся из-за стола, чтобы налить себе кофе. – Ты все еще пьешь чай? Или переходишь к кофе?

– Какая – такая же?

– «Убийца должен быть наказан, пощады не будет», – монотонно процитировал Данилов. – Я не понимаю, какое это отношение имеет к тебе.

– А к тебе какое? – Марта заволновалась, и Данилов пожалел, что заговорил об этом. Что-то он слышал о том, что беременным женщинам нельзя волноваться.

– Я думаю, что речь идет о смерти моей жены, – сказал он и посмотрел на снег за окнами.

Машину теперь придется откапывать лопатой. На Кутузовском проспекте, где жили его родители, у дворника была шикарная алюминиевая лопата. Дворник стерег ее, как будто она бриллиантовая. Когда Данилов был маленький, он мечтал, что станет дворником. Ему каза-

лось, что нет на свете ничего лучше, чем целыми днями грести на улице снег алюминиевой лопатой. И не сидеть за роялем по шесть часов.

– При чем здесь твоя жена? – тихо спросила Марта. – Или имеется в виду, что убийца – это ты?

Данилов ничего не ответил. Он также был специалистом экстра-класса в умении не отвечать на вопросы.

– Андрей, прошло пять лет. – Марта никогда не называла Данилова Андреем. – Даже тогда всем было ясно, что ты ее не убивал. Неужели ты думаешь, что записка как-то связана с твоей женой?

– Марта, совершенно очевидно, что записка как-то связана с моей женой. – Данилов ополоснул ее кружку и налил кофе. – Прости, что я тебя расстроил.

– Пошел к черту, – пробормотала Марта. – Там написано «пощады не будет». Это означает, что тебе «пощады не будет»?

– Я не знаю.

– Но это... угроза?

– Я не знаю, – повторил Данилов с досадой, – и обсуждать это бессмысленно. Я только хотел узнать, как эта записка попала к тебе.

– Так и попала. С почтой.

– Я уже понял, спасибо, – вежливо ответил Данилов. – Если у тебя нет никаких планов, может, поедем кататься?

– Так снег валит, Данилов, – развеселившись, сказала Марта.

– У меня шипованные колеса. Никаких проблем.

У них было такое почти семейное развлечение. Время от времени они ездили кататься. Просто так, куда глаза глядят, по любому шоссе. Чем дальше, тем лучше. Однажды таким образом они приехали в Ярославль. Ехали-ехали и приехали. Им было очень весело, пока не выяснилось, что до Москвы двести с чем-то километров и нужно или где-то ночевать, или возвращаться. Волга была под боком, широкая, неторопливая, пахнущая свежей водой. От ухоженной набережной поднимались подстриженные газоны, в саду играл духовой оркестр – ухали сверкавшие на солнце трубы. Город был просторный и чистый, на площади перед театром туристы кормили толстых голубей, и Марта с Даниловым решили остаться.

Зря они тогда решили остаться, но вспоминать об этом нельзя.

– А куда мы поедем, ты уже придумал?

– Я хочу показать тебе дом.

– С привидениями?

– Что?

– Какой дом, Данилов?

– Мне его заказал Тимофей Кольцов. Слышала о таком?

– Ты даешь, Данилов, – пробормотала Марта, – каждый человек хоть раз в жизни слышал о Тимофее Кольцове.

Тимофей Ильич Кольцов был знаменит, богат и даже – дело неслыханное! – отчасти уважаем. В отличие от всех остальных, обремененных несметными богатствами страдальцев, он не качал деньги из нефтяной трубы и даже не приватизировал ни одно месторождение газа. У него были заводы, строившие тяжелые океанские корабли, рыболовецкая флотилия в городе Калининграде, где Тимофей Ильич губернаторствовал, на заднем плане еще болтались «Урал-маш», пара-тройка непотопляемых банков, газета «Время, вперед!» и несколько предприятий поменьше и понезаметнее. Заводы Тимофея Ильича никогда не стояли, даже в худшие, самые темные времена на них исправно платили зарплату, рыба ловилась, конфетная фабрика лепила конфеты, дороги в области за пять лет стали не хуже немецких, наркобизнес со своей территории Тимофей Ильич ловко выжил, что для портового города было чудом из чудес.

«Равноудаление» олигархов прошло для Тимофея Ильича безболезненно, поскольку он никогда «равно-не-приближался». Он производил неприятное впечатление, был громоздок и тяжеловесен, говорил медленно, смотрел хмуро, журналистов не любил и даже не давал себе труда скрывать это. Однако для того, чтобы попасть на его завод, самые обычные работяги выстаивали очереди и проходили многотрудные собеседования. Он все держал в руках, контролировал каждую мелочь, за один-единственный прогул с заводов увольняли, за пьянку увольняли с «волчьим билетом», но он так хорошо платил, что слухи об этом распространялись быстрее, чем журналистские повизгивания о том, что он «чудовище новой России, танк в лондонском костюме, черная дыра, засасывающая деньги, людей и сам воздух», и им верили больше.

Марта понятия не имела, что Данилов строит дом для Тимофея Ильича Кольцова.

– А зачем ему дом, – спросила она, вспомнив все это, – или в Швейцарии земли не хватает?

Данилов пожал плечами.

– Я никогда его не видел. То есть, конечно, видел по телевизору, – тут же уточнил он, и Марта усмехнулась, – несколько раз приезжала его жена. Очень приятная. Сказала, что у них двое маленьких детей, они с ними видятся только вечером, а на Минском шоссе такие пробки, что не проехать. У них сейчас дача в Назарьеве.

– Было бы странно, если бы у них была дача в деревне Анискино, – заметила Марта. – Или в селе Хлобыстино.

– Мне нравится этот дом. – Данилов улыбнулся. – У меня получился отличный дом, Мартышка. У меня давно не получалось ничего подобного.

– Данилов, ты отличный архитектор, – сказала Марта с раздражением, – то, что ты не великий писатель, как твой отец, совершенно не означает, что ты ничего собой не представляешь.

Она сказала ему то же самое, что Лида накануне по телефону, но почему-то у него не возникло немедленного желания выскочить из комнаты, сославшись на то, что ему срочно нужно принять душ или сходить в булочную. Или он просто привык к тому, что Марта всегда говорит то, что отвечает его самым трудным и тайным мыслям, но как-то так, что он не пугается до полусмерти?

– Я просто хочу показать тебе этот дом, – повторил он с некоторым нажимом, чтобы она поняла: углубляться в обсуждение темы отцов и детей не стоит. – Это по Рижскому шоссе. Пятьдесят третий километр. Поедем?

– Кофе брать? – осведомилась Марта.

– Ты же через полтора часа оголодаешь, – сказал Данилов, – так что бери.

– Можно подумать, что ты не оголодаешь, – фыркнула Марта.

Она налила в чайник воды, рассеянно сунула свою кружку в раковину и ушла в коридор.

– Данилов! – закричала она оттуда. – Можно я надену твою дубленку?

– Да! – крикнул в ответ Данилов.

Она вернулась и оттеснила его от кофейника.

– Я сама заварю. Иди собирайся.

Когда он вернулся – в другом кашемировом свитере и других брюках со стрелками, – она уже аккуратно поставила в рюкзак изящный серебряный термос, коробку с бутербродами, а сверху положила два яблока.

– Еще салфетки, – распорядился Данилов. – И яблоки сунь в пакет.

– И так сойдет, – пробормотала Марта, но все-таки положила салфетки, прикрыв ими яблоки. – Хоть бы раз в жизни ты воздержался от замечаний!

Данилов промолчал. Он был уверен, что никаких замечаний и не делал. Просто он любил, чтобы все было как следует. По правилам. Если постоянно следовать определенным правилам, можно в конце концов убедить себя, что живешь не зря.

– Данилов, купил бы ты себе солдатские башмаки в «Экко», – сказала Марта, глядя, как он обувается. – Ты что, в этих штиблетах в песок полезешь?

– Нет там никакого песка. Все уже построено, остались только отделочные работы. Ты сейчас все увидишь.

– А как это получилось, что тебе проект заказал Тимофей Кольцов?

Данилов распрямился, посмотрел на Марту и слегка улыбнулся.

– Я отличный архитектор. Да? Или нет?

– Д-да, – согласилась Марта с запинкой.

– Я профессионал и давно работаю. Его помощник позвонил мне, приехал и посмотрел мои дома. А потом перезвонила его жена. Катерина.

– Катерина? – переспросила Марта. – Что-то больно фамильярно, Данилов, особенно для тебя. Ты поосторожней, а то нежный муж закатает тебя в бетон и сбросит с Бруклинского моста.

– До Бруклина лететь далеко, – пробормотал Данилов.

– Ну, с Крымского.

На это Данилов ничего не ответил. Завязать с ним дискуссию было невозможно. Поругаться – никогда. Он или замолкал, или отвечал с тихим и твердым терпением идиота.

Марта вздохнула. Его дубленка была ей не по росту и слишком широка, зато внутри она приятно пахла Даниловым – одеколоном, сигаретами и машиной.

Может, все-таки стоило вчера повеситься? Впрочем, сегодня тоже еще не поздно.

Снег все летел. В сыром и остром воздухе летела мелкая жесткая крупа, секла крыши машин, рассыпалась крохотными белыми шариками.

– Люблю ноябрь, – по дороге к машине сказала Марта, отчетливо клацая зубами, – лучше ничего не придумаешь. А, Данилов?

– Что?

– Ты любишь ноябрь?

Данилов подумал.

– Не особенно.

– А я – особенно! – объявила Марта и сунула замерзшую руку в его карман. В кармане было тепло и сухо, и совсем рядом было бедро Данилова. – Нет ничего лучше, чем двадцать четыре часа в сутки снег, холод и тьма.

Из сугроба, в который превратилась машина Данилова, выглядывали только колеса и два бампера – передний и задний.

– А где лопата, – спросила Марта и заглянула Данилову за спину, как будто в надежде увидеть там лопату, – или чем мы ее откапывать будем?

Данилов нажал кнопку на брелоке – сквозь снег желтым мигнули фары – и полез к водительской двери.

– Подожди, – велел он Марте, – постой там.

Через некоторое время из-под снега раздалось негромкое, но бодрое урчание двигателя, откуда-то из района заднего бампера вырвалось облачко белого дыма, дернулись «дворники», обрушив снежные пласты с лобового стекла, и вдруг показались фары, как будто открылись глаза, и заднее стекло обнаружилось – машина старательно отряхивалась, как попавшая в лужу собака.

Марта полезла через сугроб, зачерпывая снег ботинками.

– Я бы выехал, – сказал Данилов недовольно, когда она плюхнулась на сиденье, – я же просил тебя подождать!

– Я замерзла.

Данилов моментально включил отопитель. Марта закатила глаза.

– Данилов, я не желаю, чтобы ты поминутно проявлял чудеса человечности и заботы. – Марта постучала ботинками по порожку, подтащила ноги и захлопнула дверь. – Я начинаю чувствовать себя инвалидом.

Он ничего не ответил, нашарил на полу элегантную немецкую щеточку, предназначенную для элегантного стряхивания с машины элегантного немецкого снега, вылез и стал разгребать ею утренний русский сугроб.

– Хочешь, я дам тебе чайную ложку? – предложила Марта, опустив стекло. – В рюкзаке есть, я захватила.

Данилов улыбнулся и покачал головой.

Ну конечно. Ей ни за что не удастся вывести его из себя, раз уж он решил из себя не выходить.

На морозе он казался очень смуглым и темноволосым. И почти столь же элегантным, как немецкая щеточка. Марта вполне понимала, почему помощник Тимофея Кольцова выбрал именно его – он выглядел так, как должен выглядеть процветающий первоклассный архитектор из модного московского журнала «Английский помещик». Непременный портрет в интерьере – Данилову больше всего подошел бы камин, сложенный из речного камня, неяркий ковер на плиточном полу, белая стена, широкое кресло, а ниже статейка под названием «Линии вашего дома – линии вашей судьбы».

Увидав такую статейку, Данилов бы точно повесился. От стыда.

Марта улыбнулась.

– Хватит, – в окошко сказала она Данилову, который тщательно скреб щеточкой по капоту, – сейчас на ходу все стряхнется. А что не стряхнется, то растает.

– А что не растает и не стряхнется?

– На то, значит, наплевать.

Данилов засмеялся, перестал скрести и сел в машину.

– Правда, холодно что-то сегодня. Зима скоро.

– Ты отстал от жизни, Данилов. Скоро лето, а зима уже сейчас. Слушай, а мы успеем вернуться до твоих бальных танцев?

– Начало в восемь, – сообщил Данилов, заставляя машину осторожно перевалить через сугроб, – конечно, успеем.

Он выбрался на дорогу, примерившись, поправил боковое зеркало и спросил, не глядя на Марту:

– Ты сегодня уедешь или опять останешься?

– Как я могу остаться, Данилов, если у тебя вечером романтическое свидание! Конечно, я уеду, ты не беспокойся.

– Я особенно не беспокоюсь, – заявил он холодно, – просто мне хотелось заранее знать о твоих планах.

– А нельзя словами сказать – уезжай, ты сегодня вечером будешь мне мешать?

– Ты никогда мне не мешаешь, но...

– Но тебе хотелось заранее знать о моих планах.

Что такое? Она вскипела, как турка с кофе, забытая на огне, – гнев мгновенно поднялся, перевалил через край, залил все вокруг, хотя ничего такого не произошло.

Она никогда не ревновала Данилова – ничего глупее, чем ревновать его, придумать было нельзя.

Марте было шестнадцать лет, когда в доме отдыха под Ригой она впервые увидела Данилова и, естественно, немедленно в него влюбилась. Он был с ней очень мил, несколько раз поиграл в теннис, угостил кофе в модной кондитерской в самом центре старой Риги. Однажды его барышня почему-то не явилась на свидание, и он сводил Марту на концерт в Домский собор – очевидно, больше пригласить было совсем уж некого. Вместе с барышней он уехал в Москву

на несколько дней раньше, чем Марта с родителями, и оставшиеся дни она уныло бродила по берегу, тосковала, уединялась, на сочувственные вопросы не отвечала и была уверена, что в ее жизни больше никогда не будет счастья – то есть Данилова. В Москве она ему позвонила – он великодушно оставил ей телефон – и, трясаясь от стыда и страха, пригласила его на свидание. Почему-то он пришел, и это было странное свидание. Не дав Марте и рта раскрыть, он вдруг стал рассказывать ей про свою дипломную работу – он проектировал «загородный дом для отдыха», а его научный руководитель настойчиво предлагал переделать «загородный дом» в пионерский лагерь или «усадьбу колхозника». Данилов не желал ничего переделывать, и научный руководитель намекнул на мелкобуржуазность даниловского подхода к архитектуре. Марта слушала, кивала, не соглашалась, спрашивала, высказывала мнение, сочувствовала и негодовала.

Вернувшись домой, она некоторое время ликовала от того, что оказалась такой умной и необыкновенной – он разговаривал с ней три часа подряд, и нисколько не устал, и даже пообещал позвонить, и даже проводил ее до электрички, и даже рукой помахал, когда она вошла в вагон! Ликовала она дня два, а потом пригорюнилась.

На том первом свидании их отношения определились раз и навсегда, и это было совершенно ясно, только Марта по молодости лет не сразу поняла. Миновав все прочие стадии, она с ходу заняла в жизни Данилова совершенно определенное место, над которым, как в зоопарке, висела табличка «Старый друг». Место с табличкой «Дама сердца» бывало то занято, то свободно, барышни то воцарялись там с комфортом, то заглядывали всего на несколько дней, только «старый друг» ни при каких обстоятельствах не мог покинуть отведенного ему места, как собака, притороченная к будке звенящей прочной цепью.

Старый друг лучше новых двух, это уж как пить дать.

Те времена, когда ей больше всего на свете хотелось, чтобы он перевел ее в «дамы сердца», давно прошли.

Правда. Нет, нет, совершенно точно – правда.

На сегодняшний момент «дамой сердца» была красавица Лида, которую Марта видела всего один раз в жизни.

Приехала по своему обыкновению без предупреждения и у подъезда увидела их – Данилова и красавицу. Данилов придерживал ей дверь, как всегда придерживал Марте, а она была так сказочно, неправдоподобно, удивительно хороша, что Марта совсем приуныла, прячась в своей чумазой «Ниве». Они давно уехали, а она все сидела в машине, растравляя свои раны и вспоминая, как она несла себя по мокрому асфальту, как поворачивала голову на длинной шее, как поджидала, пока Данилов откроет ей дверь, как сверкали зубы и бриллиантовые капельки в ушах, как летела на холодном ветру светлая ласковая шуба, как легкомысленно и радостно цокали каблучки – как будто фильм шел про другую, счастливую, беззаботную и красивую, жизнь.

Потом вдруг позвонил Данилов.

«Говорил я тебе, – спросил он очень близко, – чтобы ты мне звонила, прежде чем приезжать? Говорил?»

«Говорил, – согласилась Марта, – но это даже хорошо, что я не позвонила. Зато увидела, кто у нас муж».

«Муж?» – переспросил Данилов.

«Это из кино, балда, – сказала Марта сердито. – А где она? В смысле, муж? Почему ты звонишь?»

«Я приеду часа через два. Один. Если хочешь, можешь подняться».

«Премного вам благодарен, – Марта даже поклонилась, чуть не стукнувшись лбом о переднюю панель своей машины, хотя Данилов никак не мог ее видеть, – мы уж как-нибудь в другой раз. Вы уж извиняйте нас, дураков деревенских».

Ревновать Данилова не было никакого смысла. Так всегда было и так всегда будет, и она отлично жила с шестнадцатью лет и никогда его не ревновала.

Ну... почти никогда.

– Что ты молчишь? Я тебя чем-то обидел?

– Я все равно должна ехать домой, Данилов, – громко сказала Марта, – так что не беспокойся. Все-таки сегодня суббота, и я маме обещала, что вечером обязательно приеду.

– Передавай ей привет, – произнес Данилов задумчиво.

– И поцелуй, – подсказала Марта.

– И поцелуй, – согласился было Данилов. – Какой поцелуй?

– А дом большой? – торопливо спросила Марта. – Тот, который ты строишь?

– Я его не строю. Я его спроектировал.

– Он большой?

– Нет. Не очень. Средний.

– Немножко больше Зимнего дворца, но зато немножко меньше собора Святого Петра в Риме?

Данилов ничего не ответил, но рука в черной перчатке решительно взяла Марту за подбородок и повернула ее лицом к нему.

– Ты сердисься на меня?

Марта мотнула головой и оттолкнула руку.

– Данилов, смотри, куда едешь, и не приставай ко мне. Все беременные женщины подвержены частым сменам настроения. Ясно тебе?

– Ясно. Я все время забываю об этом, – добавил он совершенно серьезно, – о том, что ты... о твоей беременности.

– Ай-яй-яй, – пробормотала Марта, – как можно?..

Они уже выбирались из Москвы, машины пошли пореже, снег лепил в стекла, «дворники» мерно постукивали, приемник захлеб пел про то, «как в сказке придет Новый год, миллионы огней на елках зажжет...».

– Данилов, как ты будешь встречать Новый год?

– Я еще точно не знаю. Лида хотела куда-то в Юго-Восточную Азию, но пока мы ничего толком не решили. А ты?

– Я скорее всего останусь где-нибудь в Кратове, хотя пока толком еще...

– А Петя? – неожиданно перебил ее Данилов.

– Петя? – удивилась Марта. – Петя, наверное, поедет в город Гомель к мамочке. А при чем тут он?

– Марта, я не понимаю. У тебя же будет ребенок.

– Будет, – согласилась Марта.

– А... свадьба? Будет?

– Ты вчера у меня уже спрашивал, Данилов. Может, и будет. Даже скорее всего. Петя – человек решительный.

– А почему тогда он на Новый год поедет... в Гомель?

– Я не знаю, – сказала Марта, – вполне возможно, что он поедет не в Гомель, а в Мелитополь, к примеру. А что? Ты хочешь поехать с ним?

– Ужас какой-то, – серьезно заявил Данилов, – сегодня с тобой невозможно разговаривать.

– Со мной всегда трудно разговаривать. Я вся такая... внезапная, Данилов. – Ей не хотелось больше говорить о Пете. – Смотри, что это там такое? – С преувеличенным любопытством она привстала на сиденье и вытянулась в сторону, почти перегнувшись через Данилова и оказавшись вдруг очень близко к нему.

Данилов глянул влево, но ничего особенного там не увидел, зато неожиданно обнаружил, что от нее пахнет чем-то свежим и легким, похожим на Симфонию соль-минор Моцарта. Иногда по старой памяти в голове у Данилова сначала появлялась музыка, а уже потом – человеческие мысли. Эту музыку в своей голове Данилов ненавидел. Она мешала ему стать таким, как все. Нормальным.

– Что это такое?

– Что?

– Ну вон! Шатер в чистом поле, а к нему очередь. Ты что? Не видишь? Ты же здесь каждый день ездешь!..

Данилов наконец понял, о чем речь.

– Это не шатер в чистом поле, – сказал он, – это пирамида. Она гармонизирует пространство.

– Что? – с изумлением переспросила Марта и плюхнулась обратно на сиденье. – Что она делает?

– Гармонизирует пространство, – объяснил Данилов очень серьезно, – ее пропорции таковы, что вся космическая – или тантрическая, я точно не запомнил – энергия концентрируется у нее внутри, а снаружи достигается полная и стабильная гармония. Кабачки растут, вирусы гибнут, вода в мороз не замерзает, ножи сами затачиваются. На обратной дороге можем подъехать и зарядиться. Хочешь?

– Немного тантрической энергии мне бы не помешало, – сказала Марта, оглядываясь на диковинное сооружение посреди белого поля и вереницу припаркованных на обочине машин. – А ты уже заряжался?

Данилов только посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Прелесть какая! – Марта снова оглянулась. Сооружение все еще виднелось сзади. – А откуда ты знаешь про энергию и про гармонизацию пространства?

– В Интернете прочитал, когда в первый раз увидел. Ты что? Не слышала?

– Нет. И еще я не поняла, ты сам заряжался?

– Я против ханжества и мракобесия! – объявил Данилов. – Конечно, здесь значительно меньше машин, чем на Минке. Хотя пятьдесят третий километр – далековато.

Он думал о своем доме, и ему наплевать было на гармонизацию пространства посредством водружения в чистом поле картонных пирамид и на тантрическую – или какую там? – энергию наплевать тоже. Он вез Марту, чтобы показать ей свою работу, которой гордился, и думал только об этом.

Марта улыбнулась, глядя в окно на белое поле, неподвижно лежавшее до синей кромки дальнего леса.

Она знает его всего – вдоль и поперек, сверху донизу и еще немного наискосок. С тех пор, как он угощал ее пирожными и кофе в крошечном темном кафе в центре старой Риги, прошло пятнадцать лет – вполне достаточно для того, чтобы научиться не строить себе никаких иллюзий.

Ну и что?

Ничего.

Она знает, как он думает, как молчит, как отчетливо выговаривает слова, когда сердится, какие предпочитает галстуки и что ест на завтрак, и это нисколько – даже чуточку! – не приближает их друг к другу.

Да что с ней такое, на самом-то деле! Что она выдумала?! Зачем ей к нему приближаться?! Она уж и так приблизилась настолько, что ночует у него в квартире, и готовит ему ужин, и утешает его, когда после разговоров с родителями ему непременно требуется утешение, и мчится к нему по первому зову, и проводит с ним куда больше времени, чем с самым любимым из своих любовников!

Зря она решилась сказать ему, что беременна. Это не касается никого, кроме нее, а его внимание действует на нее плохо. Так плохо, что вот теперь ей зачем-то понадобилось к нему приближаться, как будто до этого она не знала, что сидит в будке, над которой закреплена табличка с надписью «Старый друг».

Аккуратно притормозив, Данилов перестроился в правый ряд и свернул на узкую дорогу, которая сразу пошла между деревьями в засыпанном снегом, как будто рождественском, лесу.

– Он что, среди леса живет, твой Кольцов? Разве ему не полагается периметр с вооруженной до зубов личной королевской охраной?

– Я его никогда не видел, – терпеливо сказал Данилов, – наверное, полагается. Охраняемой территории вокруг нет. Я думаю, что у него будет своя охрана, на участке.

– А эта дорога куда?

Данилов глянул влево:

– Там, чуть подальше, старые песчаные разработки. Их сто лет назад забросили, только подъездные пути остались. Ничего интересного, просто яма среди леса. Дорога обрывается, и – яма. Я туда пару раз ездил, когда готовил проект. Просто так, чтобы посмотреть. Но из дома котлована не видно. И оттуда дом тоже не виден.

В боковом зеркале что-то мелькнуло, и Марта оглянулась. Темная машина вырулила с боковой дороги, мигнули красные тормозные огни, взметнулся снег, и машина стала быстро удаляться в сторону шоссе.

Эта темная машина странно встревожила Марту. Что там такое с перепадами настроения у беременных женщин?

– Смотри, выехал кто-то...

– Где?

– Сзади.

Данилов посмотрел.

– Ну и что?

– Что он там делал, в лесу?

Данилов пожал плечами:

– Почему это должно нас интересовать?

– Не должно, но интересуется, – пробормотала Марта и опять оглянулась. Машину уже было почти не видно.

– Может, он с девушкой приезжал... погулять. По лесу.

Марта развеселилась:

– Как ты прав, Данилов! А мне даже в голову не пришло. Про девушку-то!..

– Я вовсе не имел в виду...

– Имел-имел, – перебила Марта, – именно это ты и имел в виду. – Она посмотрела на Данилова и добавила: – Шалун!

Он улыбнулся так, как умел улыбаться только он, – ничего не означающей, сухой улыбкой, которая лучше всяких слов говорила ей, что пора остановиться. Все его улыбки были ей известны наперечет.

Заснеженная шоссейка сделала крутой поворот, елки стали редеть, черно-белые, хрестоматийно печальные березы, наоборот, придвинулись, и открылся бесконечный забор, уходивший вправо и влево – далеко.

– Ух ты! – прошептала Марта, и Данилов радостно посмотрел на нее. – Слушай, Данилов, дальше вполне можно не ехать. Это тоже ты придумал?

– Ну конечно.

Это был самый изумительный забор из всех, которые Марта Черниковская видела в своей жизни. Он был высокий и глухой, но, несмотря на это, почему-то не напоминал задний план из репортажа о жизни заключенных в Бутырской тюрьме. Основу его составляли камни раз-

ных цветов и размеров, наваленные в каком-то необыкновенном гармоничном беспорядке, а выше были доски, тоже уложенные странно, под углом. Почему-то это напоминало юг и детские книжки о гасиендах и плантаторах, и казалось, что за досками невиданного забора нет никакой зимы, что там жарко и солнечно, и подол белого платья летит по плиточному полу, и плавится полуденный воздух, и закрыты ставни на андалузских окнах, и куст неправдоподобно алых роз взбирается по выбеленной жаркой стене.

– Данилов, ты гений. Правда. Остановись, я выйду посмотреть.

Данилов засмеялся нормальным человеческим смехом.

– Выйдешь, когда доедем.

– Как это тебе в голову пришло? Среди леса такой... такое... такая сказка.

– Катерина сказала, что им не хотелось никаких дворцов. Она сказала, что мужу наплевать, а ей проект типового дворца не подходит. Она... своеобразная женщина.

Катерина? Какая Катерина?

Ах, да. Жена олигарха, промышленника, политика, губернатора, члена Совета Федерации, – кто он там еще? – для которого Данилов строит дом с необыкновенным забором.

– Молодая? – спросила Марта безразлично.

– Да, наверное. А дом еще интересней, ты сейчас увидишь. Я очень долго думал над ним, потому что здесь все-таки очень специфическая природа, и многое из того, что я придумал, не подошло именно потому, что кругом лес, и я понял, что не втисну ландшафт ни в какой готовый стиль, и мне пришлось...

Он вдруг затормозил, Марта клюнула носом и обеими руками схватилась за щиток.

– Ты что?! С ума сошел?!

– Почему они открыты? – пробормотал Данилов. – Всегда бывают закрыты, а сейчас...

– Кто открыты-закрыты? – Марта проследила за его взглядом – прямо перед ними забор был разделен распахнутыми настежь воротами. За воротами открывался обширный двор, присыпанный снегом и разъезженный колесами автомобилей. Вывороченная земля была грязно-белой, в коричневых комьях, как будто припудренных крупитчатым снегом.

– А говорил, что тебе солдатские ботинки не нужны, – пробормотала Марта, рассматривая комья, – как же не нужны, когда тут грязь такая!..

– Может, кто-то приехал? – сам у себя спросил Данилов. – Иначе зачем ворота открытыми держать?

– Вот мы приехали. Или это не в счет?

Он и сам не понимал, почему так взволновался.

В доме всегда дежурила охрана. Кроме того, Тимофей Ильич Кольцов был фигурой слишком серьезной и слишком известной, чтобы его строящуюся дачку просто так, ни с того ни с сего, могли навестить лихие люди местно-поселкового разлива в надежде пожить вагончиком или дредью. Однако ни разу, с тех пор как Данилов впервые приехал на этот участок, тогда еще обнесенный нестругаными сосновыми досками, он не видел, чтобы ворота были открыты. Даже когда завозили стройматериалы, охранник закрывал отсыревшие створки за каждой машиной.

Почему же теперь-то они открыты?

Данилов осторожно прокатился по разъезженному песку, повернул и затормозил.

– Приехали. Вылезай и начинай восхищаться.

– Можно громко?

– Можно.

Дом стоял как-то странно, как будто чуть боком к воротам, впрочем, Марта не сразу поняла, где у него бок, а где фасад. Дом был коричневый и белый, асимметричный, с невысокой башенкой и фундаментом все из того же, обожаемого Даниловым, речного камня. Из машины

дом было видно плохо. Задрав голову, Марта на ощупь открыла дверь и почти вывалилась в прихваченную морозом грязь.

– Красота какая! – Как зачарованная она не могла оторвать от дома глаз. – Данилов, я ошиблась. Ты не просто гений. Ты самый настоящий гений!

И он за ее спиной опять разразился счастливым смехом.

Темные рамы, белые стены, все окна разной формы. Остроконечная башенка, крытая черепицей. Кот в сапогах на вершине башенки держит уверенной лапой флагшток – флюгер. Какая-то невесомая галерея на уровне второго этажа.

И почему Марта поначалу решила, что это должно быть похоже на гасиенду? Ничуть не похоже. Это – гораздо лучше, гораздо уместнее и вовсе не напоминало «типовой дворец», как выразился Данилов. Или так выразилась жена олигарха?..

– А где... вход?

– С любой стороны. К главному я тебя сейчас подведу. Есть еще два – со стороны леса и участка. А наверху, видишь, где перила? Там отдельные выходы из детских. Можно через дом выйти, а можно снаружи, чтоб веселее было. Потом пристроим еще подвесные лестницы.

Сухо щелкнула зажигалка. Дым даниловской сигареты потеснил запах снега и леса.

– А они оттуда не свалятся?

– Лестницы?

– Да дети!

Данилов за ее спиной осторожно хмыкнул:

– Нет. Двери сделаны так, что их легко не откроешь.

– А они маленькие?

– Кто?

Марта вздохнула.

– Какой ты тупой, Данилов. Дети этого твоего Кольцова. Маленькие?

– Мальчику лет пять, а девочке около трех. Его жена однажды с ними приезжала. А почему ты спрашиваешь?

Марта спрашивала потому, что со вчерашнего, нет, уже с позавчерашнего, дня любые дети стали вызывать у нее жгучий интерес. По дороге на работу, а потом к Данилову она даже поймала себя на том, что внимательно смотрит из своей машины именно на детей. Она представления не имела, какие они бывают. Раньше они ее мало интересовали.

На первый взгляд разобраться было трудно. Совсем мелких везли в колясках, видно ничего не было, кроме разноцветных кульков. Те, которые покрупнее, шли сами, некоторые бодро и деловито, другие, наоборот, вразвалку и нога за ногу, да еще везли за собой пластмассовые грузовики или какие-то непонятные яркие штуковины.

Как с ними следует обращаться? Что нужно делать? Как растить? У Марты не было даже никакого захудалого племянника, которого можно было бы изучить вблизи и понять, как он устроен.

Марта усмехнулась, поглубже засовывая руки в карманы.

«Сначала мне нужно разобраться, как это устроено», – так обычно говорил Данилов, когда чего-то не понимал.

Она даже думать начала его словами, вот до чего дошло. Плохо ее дело. Придется на обратной дороге зарядиться тантрической энергией из картонной пирамиды. И посадить весной кабачки. Интересно, до весны одного заряда хватит, или придется еще приезжать?

Весной у нее родится ребенок, и ей будет не до кабачков.

Ее собственный ребенок. Она станет возить его в коляске в чем-то похожем на яркий кулек. Они пойдут по улице, залитой весенним солнцем и талой водой, и никто на свете не будет им нужен.

Опять, как накануне, навернулись проклятые слезы. Может, все-таки необратимые изменения, связанные с беременностью, уже начались?..

– Главный вход с той стороны. Катерина не хотела, чтобы от ворот сразу был виден весь дом. Я его, видишь, повернул немного. Так даже красивее получилось. Ты что-нибудь слышала о привязке к местности?

Марта шмыгнула носом.

– Ну конечно. Все свои дома я первым делом привязываю к местности магазинным шпагатом.

– Почему ты говоришь в нос? Ты что, простыла?

– Нет.

– Замерзла?

– Нет.

– Я же тебе говорил, чтобы ты не лезла в снег! Ты никогда меня не слушаешься, а потом...

– Нет.

– Что – нет? – удивился Данилов.

– Все – нет. Остановись. Ты меня утомляешь. Рассказывай лучше про дом. Мы остановились на привязке к местности.

Данилов посмотрел на нее как-то странно.

– Когда дом развернут, это как-то... гармоничнее. По крайней мере, мне так показалось.

– Тебе бы пирамиды строить, Данилов, – пробормотала Марта. – А там что? Лес?

– Участок очень большой. Чуть подальше будут два корта, летний и крытый, но отсюда не видно. Их еще нет, только место под них размечено. Детская площадка, лужайка для семейных праздников...

– Ого!

– И еще домик садовника. Но он совсем далеко.

– А конюшня? – спросила Марта. Совершенно неожиданно масштабы строительства начали ее раздражать. Как представителя масс. – Где конюшня с чистокровными текинскими жеребцами?

– Нет здесь никакой конюшни, – пробормотал Данилов сердито.

– Как же так?! – поразилась Марта. – Разве лошади Тимофея Кольцова не должны участвовать в Зимнем кубке в Челтенхеме? Цвета жокея – желтый и черный. Владелец лошади получает кубок, тренер – портсигар, а наездник – кукиш с маслом! Как это они не догадались, твои Кольцовы?! Скаковые лошади сейчас – самое престижное дело. И очень, о-о-очень модное. Ты бы им подсказал. – Тут она замолчала в надежде, что все-таки вывела его из себя.

Не тут-то было.

– Парк будет планировать ландшафтный дизайнер, я только сказал Катерине, что тут хорошо бы посадить две шаровидных сосны, – продолжил Данилов как ни в чем не бывало, – вот прямо тут, – он потопал ногой в щегольском ботинке по мерзлой земле, – именно с этой стороны, чтобы не было никакой симметрии. Как ты думаешь?

– Здорово, – искренне сказала Марта, – правда здорово, Данилов, ты не обращай на меня внимания.

– Я и не обращаю. Двери стеклянные. Я их заказал в Гусь-Хрустальном, там делают отличное стекло, между прочим, даже лучше, чем в Венеции. Собирались оттуда везти, а я договорился с Евгением Васильевичем...

И он замолчал, так и не рассказав Марте про неизвестного Евгения Васильевича.

– Что? Что такое, Данилов?!

Одна дверь из очень толстого, бронебойного, как почему-то подумалось Марте, стекла была приоткрыта. Из-за толщины стекла было не разглядеть, что за ней происходит, но, очевидно, Данилов разглядел.

– Подожди здесь.

– Что случилось?!

– Подожди здесь, – повторил он, – я посмотрю.

Он потянул на себя толстую дверь, еще не отмытую от многочисленных пальцев и какой-то строительной дряни. Дверь открылась легко и беззвучно, как будто вовсе и не была тяжелой. Марта вытянула шею, пытаясь рассмотреть, что происходит внутри. Плечо Данилова загоразживало ей обзор, она оттолкнула его рукой и все-таки увидела.

Голове стало холодно, и волосы будто зашевелились на затылке.

– Господи боже мой, – пробормотала Марта.

За толстой стеклянной дверью, беззвучно и легко повернувшейся на металлических шарнирах, царил хаос. Как будто смерч прошел. Марта никогда раньше не видела такого полного и первобытного хаоса и не знала, что бывают смерчи, которые хозяйничают в домах.

– Не ходи за мной, – приказал Данилов, – стой там!

Как же!.. Будет она стоять!..

Какие-то доски были кучей навалены на плиточном полу, залитом вязкими языками разноцветной краски. Языки затекали друг на друга, ползли по полу, поглощали плитку и алмазные россыпи битого стекла. Осколков было так много, что казалось, будто когда-то весь дом сплошь состоял из стекла. Отдельно были свалены двери в разорванной целлофановой пленке и тоже залиты чем-то похожим то ли на бетон, то ли на известь. Искромсанная гобеленовая обивка свисала отвратительными клочьями. Белые стены сплошь были в артиллерийских выбоинах и нагло ухмыляющихся кляксах краски. Полированное дерево лестницы, которой особенно гордился Данилов, было процарапано, вспахано, как будто граблями, неровные белые борозды шли с самого верха.

И еще запах краски. Густой и тяжелый, он как будто со всей силы обрушился Марте на голову.

– Что это такое? – Она спрятала нос в рукав, испугавшись, что ее вырвет. – Что здесь было, Данилов?

Он оглянулся, как будто забыл о ней и внезапно вспомнил.

– На кухне целый склад растворителей, – сказал он сквозь зубы, – я должен посмотреть. Пожара бы не было.

– Что? – переспросила Марта испуганно.

Звук, который оба услышали одновременно, был очень тихим и странным, как будто засипела в трубе вода. Засипела и смолкла. Это был непонятный звук, но Марте вдруг стало так страшно, что она схватила Данилова за рукав.

– Давай вызовем милицию. Прямо сейчас. Не ходи никуда. Давай я позвоню.

Данилов дернул руку и вытащил у нее рукав.

Звук повторился, Марта сильно вздрогнула, оглянулась и посмотрела на Данилова испуганно.

– Ты слышал, Андрей? Что это?

– Не знаю. Я должен посмотреть. Не ходи за мной, слышишь? Стой тут!

Обходя битое стекло и масляные разноцветные языки краски, уже почти доползшие до его ботинок, Данилов вдоль стены двинулся в сторону кухни.

По сторонам он старался не смотреть. Он не знал, что с ним будет, если он увидит свой драгоценный дом изуродованным, грязным, источающим тяжкую химическую вонь, в царапинах, язвах и клочьях изрезанного гобелена, который привезли из Англии и только три дня назад закончили прибивать и потом со всех сторон закрывали пленкой – чтобы не испачкать случайно!

На кухне было совсем плохо.

Кухня была полностью отделана, и мебель, которую Данилов нарисовал вместе со стенами и полом, – по его идее, неотделимая именно от этого места, – давно смонтировали, расставили и так же тщательно укрыли мягкой тканью и пленкой.

Теперь ткань была сорвана, изрезана, словно в припадке истерического буйства, и безобразными кучами валялась на полу. Дверцы оторваны с мясом и сложены шалашиком, как будто приготовлены к костру. Светлое дерево выжжено растворителями. Едкие капли падали на пол, в осколки бутылок и куски выбитой мозаики. Шкафы зияли пустыми внутренностями, как выпотрошенные трупы.

Данилову стало трудно дышать. Как когда-то на сцене перед пустым зрительным залом. Истерик. Тряпка.

Под ногами хрустело стекло, которое он давил.

Тот звук больше не повторялся, и он остановился, прислушиваясь.

– Данилов, что там?! – издали крикнула Марта. Голос у нее был испуганный.

Он должен отправить ее домой. Здесь оставаться нельзя.

– Пока ничего. Не ходи сюда. – Данилов посмотрел себе под ноги и присел. Что-то красное заметил на полу. Красное и явно не химическое. Не снимая перчаток, Данилов поднял с пола осколок, измазанный красным, и в ту же секунду понял, что это кровь.

Именно кровь, а не элемент периодической таблицы Менделеева.

Данилов швырнул зазвеневший осколок и вскочил, оглядываясь. Дверь направо – в кладовую. Из кладовой на улицу. Дверь налево – в гостиную, где сейчас боится Марта. Прямо – французское окно с выходом на террасу.

Все это он придумал сам. И террасу, и французское окно, и сводчатый переход в гостиную, и камин с медным колпаком. Он ориентировался в этом доме лучше, чем в собственной квартире, и куда больше его любил.

Теперь мозаичный пол был залит едкой отравой и человеческой кровью.

Кто это сделал?! Зачем?!

Данилов рванул с шеи шарф и швырнул его в кучу тряпок на полу. По виску проползла капля. Отвратительно теплая и стыдная капля пота.

Он трус и неврастеник. Впрочем, это всем давно известно.

По красному следу, стараясь не наступать в него, он добрался до двери в кладовую и распахнул ее.

Тело лежало лицом вниз, и под ним была огромная красная лужа.

Хищный тропический цветок, готовый проглотить жертву.

Жив? Или уже нет?

Данилов наклонился. Почему-то запах крови был сильнее запаха химической дряни. Лучше бы пахло краской и растворителями.

Обеими руками Данилов кое-как перевернул тело. Голова глухо стукнулась о пол. Данилов зажмурился.

– Господи!..

Это Марта, устав бояться одна, все-таки пробралась следом.

– Помогите мне, – скомандовал Данилов, – я не понимаю, жив он или...

– Кто это? – спросила Марта с ужасом, как будто это имело хоть какое-то значение.

– Охранник. Помогите мне, Марта! Найди тряпку, намочи и дай мне! Вода в баллоне с правой стороны. И не смотри на него, если не можешь!

– Он... жив?

– Я не знаю!

Марта все-таки посмотрела и покачнулась, схватившись за стену.

Почему-то в лихих детективных киношках, которые она так любила, никогда не показывали, как из черного кровавого фарша, в который превращается человеческий череп от удара, вылезают белые кости.

– Марта, шевелись! Отвернись от него! Ты слышишь меня?! Ну!

На негнущихся ногах, спотыкаясь обо что-то, она доковыляла до баллона и нашарила в кармане носовой платок. Вода лилась ей на ботинки.

– На.

– Мне нужна большая тряпка! Эта не годится, Марта! – Не отрывая глаз, она смотрела, как белый носовой платок у него в руке мгновенно становится красным, словно в кислоту сунули лакмусовую бумажку.

– Вроде бы дышит, но я не знаю, как ему помочь.

– Давай «Скорую» вызовем, – просипела Марта, – они помогут...

– «Скорая» из Москвы будет ехать два часа! Ты нашла тряпку? И аптечку принеси из машины!

При мысли о том, что она сможет хоть ненадолго вырваться из этого пространства, заполненного запахами химикатов и крови, выйти на улицу, где сыплет снег и кричат галки, Марте стало чуть-чуть полегче.

– Я сейчас, – выговорила она, стыдясь своего малодушия, – я сейчас вернусь.

Дыша в рукав, обходя кровавые лужи, она стала пробираться к двери, но выйти не успела.

Дверь сама собой распахнулась ей навстречу, и показались какие-то люди – довольно много.

Ахнув, Марта отступила, нога подвернулась, и она чуть не упала, сильно ударившись локтем.

Данилов оглянулся. Он стоял на коленях, руки у него были в крови.

– Никому не двигаться! – скомандовал первый из вошедших, остальные плотной группой стояли у него за спиной. – Руки на голову! И вы тоже! Быстро! – И он ткнул в Марту пистолетом.

Как зачарованная глядя в пистолетный зрачок, Марта медленно подняла руки, ставшие вдруг очень тяжелыми и будто чужими.

Из-за первой кожаной спины вынырнули остальные и моментально рассыпались по комнате, в центре которой в луже крови на коленях стоял Данилов. Это было похоже на фильм, который недавно не к месту вспомнился Марте.

– Так. – Голос был низкий и тяжелый. И холодный, как пушечный чугун.

Человек вошел и остановился, не вынимая рук из карманов длинного пальто.

– Я хочу, чтобы кто-нибудь мне объяснил, что здесь происходит.

Марта пискнула, потому что дуло, в которое она смотрела, совершенно отчетливо шевельнулось и, когда она пискнула, человек в пальто повернулся и взглянул на нее.

И в этот момент она его узнала.

Данилов договорил, и некоторое время все молчали, только хрустело стекло под ногами у охранников, хотя казалось, что они стоят совершенно неподвижно.

– Что там с охранником? – наконец спросил Тимофей Кольцов, ни к кому не обращаясь.

– Увезли в Москву, – проинформировала «кожаная спина», до смерти напугавшая Марту своим пистолетом. – Пока жив, Тимофей Ильич.

– Ментов вызвали?

– Вы же не давали такого распоряжения, – после паузы тихо сказала «кожаная спина». По тому, что отвечал все время он, а остальные молчали, Марта поняла, что это скорее всего не просто спина, а спина-начальник.

– Не давал, – согласился Кольцов. – Что на втором этаже?

– Все в порядке, Тимофей Ильич. Туда не добрались. Только лестница вот... попорчена сильно.

– Что за скотство такое! – в сердцах сказала молодая высокая женщина в короткой шубке. Она ходила вдоль стен и рассматривала следы разрушений, словно ни на чем не могла остановиться. Лицо у нее было брезгливым и гневным. – Надо же было влезть, человека чуть до смерти не убить, все тут испортить, переломать, краской залить!..

– Вы никого не видели? – вдруг спросил Кольцов у Данилова.

Данилов покачал головой.

– Почему-то были открыты ворота. Я удивился, но не слишком. Я думал, что Катерина Дмитриевна, может быть, приехала, хоть и не собиралась.

Кольцов неприятно поморщился, как будто Данилов сказал что-то неуместное.

– Катерина Дмитриевна приехала, – сказал Кольцов тяжело, – хоть и не собиралась. Вы ей звонили?

– Нет. – Данилов достал сигареты. Вместе с пачкой из кармана выпал мокрый от крови носовой платок, которым он пытался зажать рану на голове охранника. Данилов посмотрел на платок, быстро поднял и сунул обратно. – Мы виделись на прошлой неделе и обсудили все, что было необходимо.

– Необходимо!.. – фыркнул олигарх, промышленник, политик, губернатор, член, кандидат в президенты и президент каких-то других кандидатов. – Вы позвонили ей, когда мы выезжали из дома, и сказали, что у вас какие-то вопросы и вы ждете нас на даче. Зачем вы звонили?

– Я не звонил, – сказал Данилов, – мне незачем было звонить.

Тимофей перевел тяжелый взгляд на начальника своей охраны, и тот, очевидно, что-то такое понял из этого взгляда, что было непонятно остальным, так как спросил у Данилова холодно:

– Вы сюда во сколько приехали?

– В начале одиннадцатого. Наверное, минут десять. – Он посмотрел на Марту. – Ты не помнишь?

– Нет, – сказала Марта.

– А откуда ехали?

– Что?

– Откуда вы ехали?

– Из дома, – ответил Данилов растерянно, – я живу на Сретенке, в Последнем переулке.

– Девушку где забирали?

– Нигде не забирал. – Тон у Данилова изменился, стал ледяным и сухим, как корка на вчерашней луже. – Мы вместе поехали из моей квартиры.

– Звонили в половине одиннадцатого, – доверительно сообщил главный охранник Данилову, – вы в это время уже из Москвы выехали. Следовательно, могли звонить только с мобильного. Позвольте ваш телефончик. И ваш тоже, – добавил он в сторону Марты.

– Мой телефон в машине, – хрипло сказала Марта, – в сумке. Я его не вытаскивала.

Охранник качнул головой, и кто-то из подручных, хрустя разбитым стеклом, вышел за дверь.

– Сейчас посмотрим.

Даниловский телефон у него в руке по-мышьиному пискнул, потом еще и еще раз.

– С этого телефона не звонили, – заключил охранник безразлично, – сейчас посмотрим второй.

Марта перевела дыхание.

Про свой телефон она все знала совершенно точно. Ее телефон Тимофею Кольцову не звонил.

– Здесь тоже чисто, Тимофей Ильич. Не было звонка.

– Может, просто запись удалили? – поинтересовался олигарх, ни на кого не глядя, и Марта снова напряглась так, что застучало в висках, хотя знала – знала совершенно точно! – что ни Данилов, ни она сама Тимофею Кольцову с утра пораньше не звонили.

– Нет, Тимофей Ильич. Ни с того, ни с этого телефона сегодня утром вообще никуда не звонили. У этого последний звонок вчера в восемнадцать пятьдесят, а у того в девятнадцать тридцать четыре. Кому вы давали номер Катерины Дмитриевны, господин Данилов?

Сухой лед на луже стал еще крепче, как будто ударил мороз.

– Никому не давал. С вашего разрешения я закурю.

– Ваши сигареты нужно выбросить, – вдруг сказала жена олигарха и подошла поближе, – они все в крови. И платок вы в карман сунули напрасно.

Порывшись в длинном и узком ридикюле, она выудила пачку сигарет и протянула ее Данилову.

– А свои выбросьте.

– Спасибо.

Данилов вернул ей пачку, и она тоже прикурила и неожиданно помахала рукой перед носом своего мужа, как бы разгоняя дым. Муж посмотрел на нее недовольно. Марта съежилась.

– Мнения какие будут? – спросил Кольцов и обвел взглядом свою команду, а также Марту с Даниловым. – Что тут такое? Местная братва по пьяни веселилась? Или из сумасшедшего дома кто набежал?

Под его взглядом охрана постно опустила глаза и как будто сдала назад, к измазанным краской стенам, хоть и не двинулась с места.

Как же с ним жена живет, неожиданно подумала Марта, когда на него даже смотреть страшно? С ним же надо за одним столом сидеть. В постели лежать. Детей от него заводить.

Тимофей Ильич усмехнулся змеиной усмешкой, снял очки и стал их рассматривать.

– Почему один человек дежурил? Где его напарник? И что это вообще за лох, которому можно просто так по башке дать?! Это наша служба безопасности таких на работу берет?!

Главарь охранной банды моментально утратил свой начальственный вид и как-то даже в размерах уменьшился, и широкая кожаная спина стала не такой уж широкой и кожаной.

– Тех, которые не в личной охране, Владимир Алексеевич на учебную базу не отправляет...

– Плевать я хотел на базу! – монотонно сказал Кольцов, надел очки и снова посмотрел на свою свору. – Дудникова найти сейчас же. Покажу я ему учебную базу!.. Здесь все осмотреть, сделать как надо. Отпечатки, пальцы, следы – не мне вас учить. Охранника, как только придет в себя, допросить. Рабочих и... остальных, – короткий взгляд в сторону Данилова, – сюда не пускать. В милицию не сообщать. Сами разберемся.

– Подожди, Тим, – вдруг вступила жена олигарха, и все на нее оглянулись.

Она подошла, очень высокая, даже слишком, – может, от каблуков? – в норковой шубке и бриллиантовых серьгах, которые сверкали как-то сами по себе, независимо от серого бессолнечного ноябрьского света. Подошла и взяла своего мужа за руку.

– Вечно у тебя одно и то же, – сказала она ему сердито, – этих допросить, тех посадить, а Дудникову – выговор! Ты что, в самом деле думаешь, что весь этот... – она обвела глазами следы разрушений, – все это дерьмо имеет отношение к тебе?

Марта замерла, стиснув пальцами внутреннюю сторону кармана.

Боже мой!

С этим человеком нельзя так разговаривать! Его жена ошиблась. Она почему-то решила, что он нормальный, что он – как все, что он понимает человеческую речь, что его можно просто так брать за руку и даже не соглашаться с ним! Она посмела не согласиться с ним! С человеком, от одного взгляда которого толпа добрых молодцев – охранников дружно жалась к стене!

«Ну все, – подумала Марта, и ей вдруг стало холодно в теплом доме, – мы пропали. И эта высокая женщина пропала тоже».

Олигарх вздохнул так, что пальто на нем колыхнулось и пошло волнообразными складками, и за руку подтянул жену поближе к себе. Подтянув, он просунул ее руку себе под локоть, сложил ее пальцы в кулачок и накрыл кулачок своей ручищей. На толстом безымянном пальце было обручальное кольцо – очень простое.

– Кать, – сказал олигарх, и в его голосе явственно послышалась слоновья нежность, – вечно ты лезешь во что не надо!..

– Это тебе не надо, – возразила Катя и вытащила кулачок, – а мне надо! Тим, это смешно. Ты от своего величия утратил чувство реальности и не видишь самых простых вещей.

Марта приоткрыла рот.

– Леш, ну хоть ты ему скажи, – как ни чем не бывало продолжила эмансипированная и строптивая супруга, обращаясь к приунывшей «кожаной спине», – никакие это не сумасшедшие и уж точно не местная шпана! Всем вокруг известно, что этот дом – твой. Об этом только на прошлой неделе три раза упоминали по телевизору и раз шесть в газетах. Я точно говорю, потому что в твоей пресс-службе работаю. Не сообщали только, кто архитектор.

– Я знаю, где ты работаешь.

– Вот молодец какой! Вся держава в курсе строительства, не только местный поссовет и окружающее бандитье! Кто это осмелится на твоей территории хулиганить?! Да еще просто так, от нечего делать! Даже если найти главаря всех местных бандитов и предложить ему полмиллиона долларов за разгром твоего дома, я уверена, что он лично негодяя скрутит и приведет на Петровку! Или в твой офис, что еще хуже. – В этом месте Тимофей Ильич сдержанно хмыкнул. – Да они небось этот дом лучше всякой охраны стерегут, только чтоб ты не прогневался. Что они станут делать, если ты прогневаешься?! Массовое самоубийство совершат?

– О чем это все, Кать?

– О том, что дело не в тебе, хоть ты и величайший из смертных, – тут она примерилась и звонко чмокнула олигарха в синеватую выбритую щеку. Охрана потупилась на этот раз стыдливо, и лица, сплошь состоявшие из ледяного бетона, как будто чуть подались и помягчели, – что-то тут совсем другое, Тим.

– Катерина Дмитриевна права, Тимофей Ильич, – подал голос Леша – «кожаная спина», – вряд ли тут ваши враги... резвились.

– А почему тогда никто не высказывался, когда я спрашивал, у кого какие соображения? – спросил Тимофей Ильич ядовито. – Почему все ждали, пока моя жена выскажется?

– Тим, мы все прекрасно понимаем, почему никто не поделился своим мнением, – непочтительно перебила олигарха супруга Катя, – лично я думаю, что все было проделано исключительно для того, чтобы мы приехали и застали Андрея Данилова в разгромленном доме над трупом охранника. Для того мне и звонили. И время подгадали совершенно точно. Ну что? Разве не похоже?

Кольцов искоса взглянул на жену. Охрана застыла в своем ледяном бетоне. Марте стало тошно. Один Данилов остался безучастным. Как всегда.

– Тим, это просто и логично. Подумай сам.

– Я уже подумал. Леша, сегодня же номер Катеринино мобильного сменить.

– Да, Тимофей Ильич.

– Значит, – без всяких эмоций сказал Кольцов в сторону Данилова, – если моя жена права, вы втянули меня в свои проблемы.

– Да, – согласился Данилов, – боюсь, что так.

Марте показалось, что больше нечем дышать.

– Какого рода проблемы, – помолчав, спросил Кольцов, – и почему я должен их решать?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Почему не можете?

– Потому что я сам пока не знаю. Я должен разобраться, Тимофей Ильич. Если вы позволите, – добавил Данилов, чуть запнувшись.

– У вас часто бывают проблемы?

– В первый раз, – вежливо ответил Данилов, – до этого никто и никогда не громил домов, которые я... проектировал.

– С чего вы взяли, что дом разгромили потому, что он ваш, а не потому, что он мой? Только постарайтесь не повторять слово в слово домыслы моей жены.

– Никто не знал, что сегодня здесь окажется вы, Тимофей Ильич, – сказал Данилов негромко. – Вы ни разу не были с начала строительства и могли бы до конца не приезжать. Если бы все это обнаружили рабочие или сменная охрана, до вас скорее всего так ничего и не дошло бы. Кто бы стал вас беспокоить по таким пустякам! Все убрали бы, привели в порядок, восстановили, и никаких следов не осталось бы. А Катерине Дмитриевне специально позвонили, как раз чтобы вам было удобно здесь меня... нас, – тут же поправился он, – застать. Теперь вы должны меня в лучшем случае уволить, – сдержанно продолжал он, – а в худшем посадить под арест. Особенно если окажется, что охранник... не выжил.

Где-то капает вода, поняла Марта. Наверное, я плохо завернула кран на том самом баллоне.

– Я не хочу разбираться в ваших проблемах, – объявил Кольцов и неприязненно сопнул носом. – Если все это затеяли вы сами, вы об этом пожалеете.

Он замолчал, ожидая реакции Данилова, не дождался и продолжил:

– Если нет, разбирайтесь как можно быстрее.

– Я постараюсь, – вежливо пообещал Данилов, и Тимофей Кольцов вдруг уставился на него во все глаза. Посмотрев недолго, он вдруг почему-то улыбнулся – разжались мрачные губы, и взгляд за стеклами очков повеселел. Как у волка, который наконец-то обнаружил неподалеку мирно щиплющего травку лося.

Поулыбавшись таким образом, Тимофей Ильич приказал:

– Леша, оставь здесь человека и вызови дополнительную охрану. Все осмотреть и к понедельнику привести в порядок. Ему, – кивок головой в сторону Данилова, – не мешать. В понедельник все работы должны идти как обычно. Катерина, мы уходим.

– Не переживайте, Андрей, – сказала жена олигарха, не поведя и ухом, – конечно, это ужасное скотство, но все можно поправить. Если только охранник останется жив, – добавила она мрачно.

– Спасибо, – поблагодарил Данилов.

– Катерина!

– Сейчас, Тим. Я знаю, как вам нравится этот дом. Нам он тоже нравится. – Она улыбнулась и стала похожа на десятиклассницу. – Мы ждем не дождемся, когда он будет готов. И дети ждут.

– У вас десять дней, – объявил Кольцов Данилову, – через десять дней мой начальник службы безопасности доложит мне, что на самом деле здесь случилось. Вам ясно?

– Да.

– Вышли бы на улицу, – посоветовала Марте похожая на десятиклассницу супруга олигарха, – вы совсем зеленая, смотреть страшно. Тут же дышать невозможно!

– Катерина, мы уезжаем.

– Я уже слышала. Хотите, мы отвезем вас в Москву?

– Да, – неожиданно ответил Данилов, – поезжай, Марта. Это будет лучше всего. Я пока не могу уехать.

Даже просто мысль о том, что в Москву ее повезет Тимофей Ильич Кольцов, вызвала у Марты панику.

– Нет-нет, спасибо большое! Я хотела бы остаться с Андреем, если вы не возражаете, – забормотала она, вытащила руки из карманов, выпрямилась и уставилась куда-то мимо любезной жены олигарха, и кандидата, и магната, и депутата, и, кажется, даже губернатора. Интересно, почему нельзя сказать «губерната»?

– Точно не поедете? – продолжала приставать жена, а сам олигарх, кандидат и магнат вдруг вздохнул протяжным страдальческим вздохом.

Марта перепугалась не на шутку.

– Спасибо, большое спасибо, я сейчас выйду на улицу, погуляю немного, и мне станет лучше. Просто я переволновалась, а в Москву я не поеду, спасибо, нет... – Это она тебя боится, – проинформировала мужа Катерина. – Тебя все боятся. Какой-то ужас.

– Поедем, а? – попросил ее муж почти жалобно. – Черт возьми, первый раз за неделю вдвоем, и тут на тебе!.. Хватит, Кать.

– Пока, – попрощалась Катя с Мартой и Даниловым и взяла Тимофея Ильича под руку. – Андрей, я позвоню вам и сообщу свой новый мобильный номер. Сегодня же.

– Спасибо, – сухо поблагодарил ее Данилов.

Два гигантских джипа – «Лендровер» и совсем уж экзотический «Хаммер» – казались по сравнению с машиной Данилова океанскими лайнерами рядом с портовым буксиром. Сыпал мелкий снег, белые шарики отскакивали от полированных крыш. Воздух был холодный и влажный, какой-то острый.

Катерина запахла шубу и некоторое время постояла, дыша ртом.

– От вони голова заболела, – сказала она негромко и оглянулась на Тимофея. – Надо было столько краски вылить! А полы были сказочные, Тим! Особенно в гостиной. Данилов все нарисовал и собирал эту керамику по кусочку. И лестница. На ней специальное покрытие положили, чтобы Машка не полетела со ступенек. Она же носится, как щенок...

– Носится, – согласился Тимофей Ильич и взглянул на жену внимательно. – Ты что, Кать? Плачешь?!

Охрана отошла от них, чтобы не слышать, о чем они говорят. Тимофей покосился на нарочито безразличные спины и за отвороты шубы притянул жену к себе.

– Ты что? – спросил он, близко глядя в серые несчастные глаза, полные слез.

Нос вздрогнул, покрасневший кончик уткнулся ему в ладонь. Только на одну секунду, но и этого было достаточно, чтобы он вдруг испытал острый, тайный, умильный всплеск любви к ней.

Он все никак не мог привыкнуть к тому, что так ее любит.

– Ты что? – повторил он и встряхнул ее, чтобы это острое и тайное чуть-чуть отпустило его.

Он не умел ни от кого зависеть, всесильный, богатый, умный, бесстрашный, расчетливый, очень хладнокровный, очень успешный, очень занятой человек.

Он теперь зависел от Катерины, знал это и боялся этого.

От Катерины и детей.

Как это получилось, что он так влип?

– Господи, он мне так нравится, этот дом! – заговорила она рядом с его ухом. – Мне все в нем нравится! Я уже придумала, куда мы елку поставим. И это покрытие на лестнице для Машки! Все же было почти готово, Тим! Кем надо быть, что так все... испоганить?!

И она шмыгнула носом.

– Я сегодня же поручу Дудникову, и он к завтрашнему дню скажет тебе, кем надо быть, – предложил Тимофей, – и даже покажет. И ты сама набьешь ему морду. А?

Она улыбнулась, и ему полегчало.

– Тим, с тобой разговаривать невозможно. Ты слишком... однозначный. Конкретный, как это теперь называется.

– Зачем ты так навязывалась со своим участием? Тебе не все равно, поедет она в Москву, эта барышня, или не поедет? И этого... как его?... утешать кинулась!

– Я не кинулась его утешать. Ему этот дом нравится даже больше, чем мне. Дом разгромили, чтобы выбить из-под ног почву именно у него, у Данилова. Мне, например, это совершенно ясно и понятно. К тебе таким способом не подберешься. Ты вообще мог ни о чем не узнать, это он правильно сказал.

– Ну и что?

– Ну и то. У него есть какой-то враг. И это такой... лютый враг, который не побоялся втянуть в свои дела Тимофея Кольцова. Самого Тимофея Кольцова!

– Ты что, – спросил он подозрительно, – смеешься? Или решила мне польстить?

– Да что тебе льстить, – вздохнула Катерина, достала из сумочки пачку сигарет и быстро закурила, – ты сам все про себя знаешь. В этом как раз твое основное преимущество перед остальными людьми.

– В чем? – спросил он глупо. Спрашивать не следовало бы, но уж больно хотелось послушать про «преимущество».

– В том, что ты все знаешь о себе. Знаешь все свои слабые и сильные стороны. Сильные ты холишь и поощряешь, а слабым вздохнуть не даешь. – Она затаилась, искоса взглянула на дом и продолжила, понизив голос: – Я думаю, что дело серьезное, Тим. Серьезное и неприятное.

– Помогать никому не стану, – тут же сказал он, – можешь не намекать и жалостливо не смотреть. Пусть он сам разбирается... как его...

– Ты давно запомнил, что он Данилов, – начала Катерина язвительно, но муж не принял подачу.

– Это не мои проблемы. И тем более не твои. Достаточно того, что я дал ему десять дней. Если за десять дней он не решит свои проблемы, я уволю его и забуду о нем навсегда. И ты о нем забудешь тоже.

– А если его убьют?

– Значит, убьют, – сказал Тимофей равнодушно. – Еще не хватает мне заниматься такими делами!.. Из-за его личных дел почему-то пострадал мой дом! На его месте я бы немедленно повесился. Кстати, ты обратила внимание, что он совсем не удивился, когда ты сказала, что это скорее всего именно его проблемы?

– Обратила.

– Выходит, он заранее знал или предполагал что-то такое! Все-таки Дудникова я уволю к...! Почему служба безопасности ни черта никого не проверяет?!

– Она проверяет, Тимыч. Андрей Данилов один из лучших архитекторов в Москве. И в России, наверное. Он не очень знаменит, но благонадежен, как английский завтрак. Кстати, он родной сын Михаила Данилова. Что ты смотришь? – подозрительно спросила она. – Не знаешь?!

Он молчал.

– Тим, это даже ты должен знать. Михаил Данилов. Писатель. Господи, его в школе прохоят! Ну, про Северный морской путь и моряков-подводников.

Тимофей Ильич решительно не знал никаких подводников.

Раньше – до Катерины – собственная медвежья дремучесть его не смущала, он даже бравировал ею слегка. Когда шесть лет назад он женился, эта самая дремучесть перестала ему нравиться.

Он раздражался, когда теща с тестем – тесть, ясное дело, профессор, теща – доктор наук, – жалостливо смотрели на него или понимающе переглядывались, когда он опять попадал впросак. Есть еще бабушка с манерами вдовствующей императрицы. В этом году ей должно стукнуть девяносто, она пребывала в полном рассудке и ничего ему не спускала, особенно когда была в язвительном настроении.

Он долго не мог взять в толк, что такое «растекаться мыслью по дереву».

Что за «мысль»? Почему по дереву?

Эту «мысль» очень любил поминать тесть Дмитрий Степанович. Чаще всего поминал, когда смотрел Евгения Киселева, занимавшего своей респектабельностью весь телевизионный экран.

«Слово о полку Игореве» проходят в третьем классе церковноприходской школы, мой милый. Вы в какой-нибудь школе случайно не учились?»

Вспомнив про бабушку и про ее надвигающиеся девяносто лет, Тимофей внезапно пришел в хорошее настроение, и ему стало наплевать на незнаменитого сына знаменитого писателя.

Что бы такое ей подарить?

Шубу? Бриллианты? Картину?

Шубу дарить неинтересно. Бриллианты у нее есть. В картинах он ничего не понимает.

«Подарю компьютер, – решил Тимофей неожиданно. – Компьютер и Интернет-карту». Она до смерти любит всякие сплетни, особенно про политику и знаменитостей. Теперь этих сплетен у нее будет навалом, а он сможет сколь угодно язвить, пока она научится пользоваться его подарком.

Ну и отлично.

Тимофей открыл дверь «Лендровера». Охрана метнулась по местам, побросав бычки, водители пришли в готовность номер один, а Катерина все рассматривала тонированные стекла дома.

– Катька!

– Как же сильно нужно ненавидеть человека, – сказала она задумчиво, – чтобы просто так пойти и разгромить всю его работу!

– Это не только его работа, – буркнул Тимофей, подталкивая ее в салон, – это еще и мой дом. Леш, кто там остался?

– Остался Дима, Тимофей Ильич.

– Пусть вечером доложит. И узнайте, что там в больнице!

Дверь за ним захлопнулась как будто сама собой, Леша вскочил на переднее сиденье. «Лендровер», развернутый тупым рылом к воротам, мягко тронулся и стал выбираться на дорогу.

– Мне все это очень не нравится, Тим, – сказала Катерина после некоторого молчания, – правда не нравится. Ты... видел надпись на стене? На той, где раньше был гобелен?

Он ничего не ответил, и, помедлив, Катерина оглянулась.

Тимофей Ильич смотрел в окно, за которым летел снег и бешено мчались назад темные подмосковные елки.

Марта осторожно пробралась по разгромленной гостиной к выходу и за толстым дверным стеклом увидела Тимофея Кольцова и его жену. Они разговаривали вдвоем, охрана отошла от них, и как она потерлась носом о его ладонь, Марта видела, и как он притянул ее к себе за отвороты щегольской шубенки, и как она оглядывалась на дом, то ли тревожно, то ли печально, а он вроде бы утешал ее, – Марта разглядела все, стоя за темным бронированным стеклом.

Ей стало так грустно, что она опять чуть не заревела, как вчера на кухне у Данилова.

«Бедная я, бедная. Нет у меня ладони, в которую можно ткнуться носом, если пришла беда. Никто не притянет меня к себе за отвороты шубы, чтобы утешить.

Данилов не в счет.

Я сильная, я сама по себе, я принимаю решения не только за себя, но и за маму с тех пор, как не стало отца, и еще у меня будет ребенок, и за него мне тоже придется отвечать и принимать решения. Мне одной».

Вовсе не об этом следовало думать, стоя за толстым дверным стеклом, еще не отмытым от какой-то строительной дряни. Нужно было думать о том, что произошло в этом сказочном доме и почему Данилов решил, что имеет к погрому какое-то отношение, да еще так легкомысленно убедил в этом монстра и динозавра Тимофея Кольцова!

– Зря ты не уехала, – сказал за ее спиной Данилов, – я сейчас не могу тобой заниматься. Совсем.

– Мной не нужно заниматься. – Марта подышала на толстое стекло и старательно протерла рукавом запотевшее место. – Ты бы лучше собой занялся. Зачем ты им сказал, что это твои проблемы? Разве это твои проблемы, Данилов?!

– Когда громят мой дом, это только мои проблемы.

– Дом не твой, а Тимофея Ильича Кольцова.

– Если бы у Тимофея Ильича были проблемы, его бы не пригласили на экономический форум в Давос. Впрочем, я не уверен, что даже это для него проблема. Вылить на полы в его доме несколько ведер краски для его врагов мелкоовато, Марта.

– Хорошо, а хулиганы? Почему не может быть, чтобы мимо шли какие-нибудь хулиганы и решили, что им нужно немедленно безобразничать? И влезли в первый попавшийся дом.

– Этот дом не первый попавшийся! – возразил Данилов с досадой. – До него три километра по дороге, а кругом лес. Со стороны поселка к нему зимой вообще не подобраться, только на снегоходе. И ворота были открыты. Зачем охранник их открыл? Чтобы хулиганам было удобнее... хулиганить? И еще машина.

– Какая машина? – насторожилась Марта.

– Машина, которая выехала с лесной дороги. Здесь почти никогда никого не бывает. Конечно, может быть, просто кто-то устроил тайное свидание...

– Тайное свидание!.. – фыркнула Марта. Иногда Данилов выражался как-то на редкость старомодно.

– Кроме того, они приехали, потому что кто-то позвонил Катерине на мобильный, сказал, что это я, и попросил их приехать на дачу. Зачем? Она предположила совершенно правильно – чтобы застать здесь меня.

Возразить было нечего, но Марте очень хотелось возразить именно потому, что Данилов был скорее всего прав, а это означало, что пришла беда.

Внезапная, непонятная, неизвестно откуда взявшаяся беда.

Сзади послышался грохот и звон, как будто посыпалась с полок посуда, Марта оглянулась и увидела, что оставленный Кольцовым охранник что-то высматривает, приподнимая доски, наваленные на полу. Вид у него был, как из кино про ментов, вполне профессиональный.

– Выйди подыши, – посоветовал Данилов. – Зря ты не уехала.

– Не зря, – сказала Марта упрямо, хотя запах краски уже был везде, даже в желудке.

Пожалуй, в желудке его было слишком много.

Где-то там, глубоко, спрятался и тихо сидит ее будущий – настоящий! – ребенок. Он тоже нюхает краску, корчится от страха, видел, как белые кости торчали из черного кровавого месива, которое было раньше человеческой головой.

Марта всхлипнула, схватилась за горло и рванула тяжелую дверь. Воздух, которым можно было дышать, а не заталкивать в себя кусками, ринулся навстречу. Снег ударил в лицо, и это было просто замечательно, потому что Марта успела все-таки добежать до деревьев, прежде чем ее вырвало.

Тяжело дыша, она вытерла рот и привалилась боком к стволу. Руки были мерзкие и липкие, и она брезгливо потерла их сначала о кору, а потом об снег.

Хорошо, что так много снега. Его можно есть. Можно вытирать им лицо и руки. Можно смотреть, как, цепляясь за ветки, шатается по лесу метель.

Ядовитый запах уползал, освобождая место холодному воздуху, и нос у Марты замерз, только не было большой ладони, в которую можно было бы уткнуться. Хоть на несколько секунд.

Она еще потопталась, заставляя себя глубоко дышать, а потом повернулась к дому.

Данилова не было за дверью из толстого коричневого стекла.

Он не маячил там, изнывая от сочувствия и волнения. Конечно, нет! Он никогда не поставит ее в дурацкое положение, став свидетелем ее слабости! «Наши маленькие женские слабости», – так говорила мать Данилова про чудовищный насморк, из-за которого нос у Марты был ровно втрое больше нормального человеческого носа, глаза слезились, в ушах невыносимо и подло чесалось, а Данилову хватило ума притащить ее в таком виде к мамочке. Марта эти «маленькие женские слабости» возненавидела раз и навсегда.

Ну почему он не вышел хотя бы посмотреть, что с ней?! Почему ему нет до нее никакого дела?! В конце концов, именно он притащил ее в этот жуткий дом и втравил во что-то страшное, отвратительно воняющее краской и кровью!

Мороженный норвежский лосось, неизвестно почему подумала Марта. Этот лосось был вчера на ужин. Или форель была?

Еще вчера были записки. Две одинаковые записки – для Данилова и для Марты.

«Убийца должен быть наказан, пощады не будет».

Она его еще жалела, и думала о его покойной жене, и утешала его! Дура.

Убийца...

Убийца должен быть наказан.

Наказан. Наказан...

Марта поскользнулась, чуть не упала и побежала к дому, колышущемуся над холмом в плотной снеговой мгле.

– Данилов! – закричала она, рванув дверь. – Данилов!!

Запах снова навалился на нее, и она закашлялась, хватая себя за свитер на груди, как будто он душил ее.

– Что ты кричишь?

Он был совсем рядом. Может, все-таки смотрел за ней?

Вдалеке показался охранник. Постоял и двинулся к ним.

– Что случилось? Тебе плохо?

– Хорошо. Данилов, помнишь вчерашние записки? Ну, что пощады не будет?

– Да, – сказал Данилов и оглянулся на приближавшегося охранника, – я про них не забывал, Марта. Конечно, это все... о том же.

– Что за записки? – спросил охранник равнодушно. – Вы получили какие-то записки?

– Я покажу. – Марте показалось, что Данилов очень недоволен тем, что она некстати вылезла с записками. – У меня с собой.

– Просто литератор какой-то, – пробормотал охранник и улыбнулся Марте, – пишет и пишет.

– Кто? – не поняла Марта.

– Наш неизвестный разбойник. Прямо тяга у него к перу, можно сказать.

– Почему тяга? – опять не поняла Марта.

– Вам пишет, – охранник присел на корточки, оперся руками и смешно понюхал что-то на полу, – нам пишет...

Марта сжала зубы. Ей показалось, что даже на улице слышно, как они скрипят.

– Что именно и кто вам пишет?

– Вон, – охранник поднялся с пола и отряхнул ладони, – на стене, за гобеленовой... за бывшим гобеленом.

Марта быстро посмотрела. Что-то голубое мелькало среди рваных клочьев обивки. Что-то такое, на что она поначалу не обратила внимания, так как все стены были густо и беспорядочно измазаны краской. Хрустя разбитым стеклом, она подобралась поближе.

Голубые загогулины плясали у нее в глазах, никак не складывались, клочья обивки мешали разобрать.

«Это только начало» – вот что было написано. Наконец-то она разобрала.

– Что это такое? – спросила Марта, ни к кому не обращаясь. – Что – «только начало»?! О чем это?!

Охранник пожал плечами и отошел.

– Приедет Владимир Алексеевич. Это Дудников, наш главный шеф, – пояснил он, опять что-то внимательно рассматривая, на этот раз на стене, – привезет фотографа. Фотограф сфотографирует, а эксперт потом скажет, один человек ваши записки и эту... наскальную роспись сделал или нет.

– Не один? – пробормотала Марта.

– Вышла бы ты на улицу, – негромко посоветовал Данилов, – здесь совершенно нечем дышать.

Хоть бы что-нибудь новое сказал. Например: принеси мне кофе.

Господи, у них же есть кофе! Целый большой термос кофе! И бутерброды, и два яблока, прикрытые салфетками, – кусок нормальной вкусной субботней жизни!

– Данилов, дай мне ключи от машины. У нас в машине термос кофе! Я сейчас принесу. Как вас зовут?

– Меня зовут Дмитрий. Дима, – добавил страж, подумав, как будто сомневался, что Дмитрий – это именно Дима, а не Юра, к примеру. – Сюда лучше не носите. Здесь все равно дышать нечем. Давайте лучше на улицу выйдем.

– Я не пойду, – сказал Данилов и вложил Марте в руку ключи, – я пока посмотрю, может, найду что-нибудь...

– Нет, Андрей Михайлович, – возразил охранник твердо, – мы будем смотреть вместе. Простите, но одного я вас здесь не оставлю.

– Почему? – вмешалась Марта.

Охранник – все-таки Дима, а не Юра, – безмятежно улыбнулся. Данилов улыбнулся ему в ответ.

Как обычно. Губы улыбались, а сам Данилов и не думал.

– Потому что я могу уничтожить какие-нибудь важные детали, – пояснил Данилов Марте, – например, кисть, испачканную голубой краской. В своих целях, понимаешь?

– Кисть тут ни при чем, – сказал охранник рассеянно, – это из баллона рисовали.

– Почему из баллона? – спросила Марта. – Какое это имеет значение, из баллона или кистью?

– Из баллона потому, что краска вокруг летела. Видите, обивка вся в краске. Потому и прочесть так трудно, половина букв на стене, а половина на клочьях получилась.

– Ну и что? – настаивала Марта.

– Да ничего, – Дима пожал плечами и опять лучезарно улыбнулся, – просто наблюдение. У нас теперь самое главное – это наблюдение, сопоставление, поиски улик. Эксперт приедет, пальчики поищет. Только сдается мне, что пальчики – дело гиблое.

– Вы в милиции работаете... Дима?

Он посмотрел на Марту несколько свысока и вздохнул байроновским вздохом. Ему было двадцать пять лет, шеф оставил его «за главного», он чувствовал свое превосходство над Даниловым, за которым он должен был присматривать, и ему нравилась Марта. Просто так. Она была высокой и худощавой, немножко бледненькой, очень симпатичной. Диме нравились все без исключения девушки – и все «просто так».

– Это я раньше в милиции работал. – О том, что он работал там восемь месяцев или даже чуть меньше, Дима умолчал. – Кое-что понимаю.

– Мы не могли бы посмотреть видеозапись? – попросил Данилов вежливо. – Может быть, там что-то осталось?

Дима вдруг покраснел. Марта посмотрела с удивлением – он весь стал розовый, от шеи до волос, и этот розовый младенческий разлив вдруг сделал его совсем мальчишкой.

– Как это я сам не подумал, – пробормотал он себе под нос, – это же в первую очередь надо было...

Марта и Данилов проводили глазами его стремительно удаляющуюся спину. Спина удалялась в сторону кухни.

«Вернее, того помещения, которое вчера было кухней», – подумал Данилов мрачно.

– Куда это он?

– Там камеры наблюдения.

– В кухне?!

– Нет. Не в кухне. Рядом, где мы... где лежал охранник. Марта, я прошу тебя, пойдй выпей кофе и посиди в машине. Я боюсь, что тебе вредно...

– Ты лучше ничего такого не бойся, – посоветовала Марта, – давай я тебе чем-нибудь помогу.

– Ты мне ничем помочь не можешь, – сказал Данилов твердо, – было бы очень хорошо, если бы ты мне не мешала.

Марта хотела было вступить в очередную дискуссию, но посмотрела ему в лицо – и не стала.

Ни разу за все пятнадцать лет она не видела, чтобы Данилов выходил из себя. Он бывал подавленным, недовольным, усталым и никогда – взбешенным. Марта подозревала, что такие сильные чувства, как бурное веселье, бешенство или горе, вообще ему незнакомы.

Сейчас он был каким-то странным. У него были красные глаза – очевидно, все от тех же химических испарений, наполнивших дом, как газовую камеру, – и щека возле рта будто мелко дрожала.

– Андрей Михайлович, – позвал охранник, – подойдите, пожалуйста!

– Марта, – Данилов стянул с плеч дубленку и сунул ее Марте в руки, – пожалуйста, отнеси в машину. Мне в ней неудобно и жарко. Я где-то бросил шарф и был бы признателен, если бы ты его нашла. Это... ручная работа, вышивка и что-то еще, – добавил он, как будто смущенный тем, что просит ее о такой глупости, как шарф.

– Мамошкин подарок? – уточнила Марта.

Данилов на нее даже не взглянул.

– Андрей Михайлович!

– Да. Иду.

Наверное, таким будничным и спокойным тоном он разговаривает в своем офисе, когда секретарша сообщает ему, что в очередной раз звонит Марта Черниковская.

Хрупая стеклом, он решительно прошел в сторону кухни, и Марта двинулась за ним, как на поводке, неся в охапке его дубленку. Мех внутри был мягкий, нагретый Даниловым. Марта задышала в этот мех, и жить сразу стало как-то полегче.

– Кассета на месте, – проинформировал охранник, оглянувшись на них. Марта старательно отводила глаза от черной густой лужи на полу. – Только запись на ней...

– Затерта? – спросил Данилов равнодушно.

– Нет, – ответил Дима почти весело, – не затерта, Андрей Михайлович!

Несколько маленьких телевизоров, поставленных друг на друга в два ряда, оказались за низкой кирпичной стенкой, которая как будто отделяла хозяйственное помещение от наблюдательного поста. Там был стол, вращающееся кресло с высокой спинкой, кушеточка, накры-

тая тощим солдатским одеяльцем, стопка засаленных детективов с вылезающими страницами, пепельница, электрический чайник и две не слишком чистые кружки.

Казарма.

Вот ведь как странно.

Человек моментально создает вокруг себя именно такое пространство, в котором ему комфортно и привычно. Вряд ли служба безопасности Тимофея Ильича Кольцова недополучала средств или не имела возможности как-то украсить быт сотрудников, и вокруг был все же не полигон в Семипалатинске, а некоторым образом дворец и сказочная красота, и тем не менее охранники предпочли устроить себе казарму. Во дворце им было бы неуютно.

Охранник оглянулся, на секунду задержал взгляд на Марте, нажал какие-то кнопки, что-то переключил – маленькие экраны разом вздрогнули, пошли полосами, и появились черно-белые картинки, почти фотографически неподвижные.

– Что это такое? – спросила Марта и еще чуть-чуть приблизилась.

– Это камеры. Их четыре штуки. У ворот, у главного входа, со стороны леса и последняя у забора. Запись идет только с той, которая у входа. Смотрите.

Фотографические картинки вздрогнули, затряслись, побежали белые циферки, откручивая время назад, протянулась серая полоса, и Марта увидела себя – большая голова, короткие ножки, – как будто камера смотрела на нее сверху. Впрочем, она и смотрела сверху. Рядом с Мартой оказался такой же куций и коротконогий Данилов, они смешно потоптались у входа и вперед спинами бодро двинулись за угол дома. Там они еще потоптались и наконец убрались за угол.

– И все? – спросил Данилов.

– Все, – согласился охранник. – Выходит дело, кроме вас, на участке никого не было.

Данилов мельком взглянул на него.

– Можно все сначала?

– Да сколько хотите.

Снова полосы, циферки, время назад, и опять Марта с Даниловым у порога, похожие на двух пингвинов. Один пингвин побольше, другой поменьше.

«Значит, камера «увидела» только нас. Больше никого не было. А мы – вот они, на пленке. Получается, что дом Тимофея Кольцова разгромили именно мы с Даниловым. Мы?!»

– Послушайте... – Марта потянула охранника за рукав. Она вдруг так заволновалась, что даже перестала прятать нос в спасительную шерсть даниловской дубленки. – Это ничего не значит. Это какая-то ерунда! Когда мы приехали, все уже было так, как сейчас. Вы слышите меня?

– Слышу, – согласился охранник с сожалением, как показалось Марте.

– Кассету можно было затереть, – предположил Данилов хладнокровно.

– Конечно. Только для того, чтобы ее затереть, нужно знать, что запись идет только с одной камеры. Кто мог об этом знать? Кроме наших ребят, которые здесь дежурят, никто. Ну и еще, конечно, кто здесь бывает часто, тоже, наверное, знает.

Данилов выдержал его взгляд совершенно хладнокровно.

– Я знаю, что запись идет только с одной камеры, – сказал он, нажимая на слово «я», – систему видеонаблюдения ставили при мне.

– Данилов, это чушь собачья! При чем здесь ты?! Нас с тобой в восемь утра подняла твоя мать, которая звонила из Парижа. Мы выпили чаю и приехали сюда. Мы не расставались ни на секунду. Если хотите, я могу поклясться на Библии. Хотите?

– Марта, не вмешивайся.

– Да я только!..

– Марта!

Тогда она повернулась и вышла, прижимая к себе его дубленку. Плечи были напряженно расправлены, подбородок задран – ах, как хорошо Данилов знал этот жест, полный судорожного достоинства! – стекло хрупало под подошвами ботинок.

Проводив ее глазами, Данилов и охранник столкнулись взглядами и разом отвели их.

– Можно я еще раз посмотрю кассету?

– Смотрите, конечно.

Однако Данилову показалось, что мальчик напрягся и как-то подвинулся, словно занимая более выгодную позицию на тот случай, если ему придется вступить с Даниловым в рукопашный бой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.